

СМЕНА

ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

1926
18

«МОЛОДАЯ Гвардия»

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

А. Трубину (Петропавловск).—Напечатать не можем. Длинно, а живой ткани мало. Вы ведете доказательство от противного, но часто неподсказательно. Плохо будет, если бы вот так на опыте все стали бы учиться. Читается утомительно. Средний тип парня, жаждущий сладких литературных образовок скучен и сырой. Сама девушка неизвестна. Чтобы по действовать на читателя, надо лучше организовать материал и тщательнее психологически мотивировать события.

М. Элькину (Могилев).— Из заметки непонятно, в какую сторону клонится ваша ironия. Действительно ли вы считаете звукотеку—элементом мещанства, или только острите? Напечатать не сможем.

А. Тимофееву (Краснодар).— Присланы исключительно слабо и сумбюро. Так писать не стоит. А. Г. (Карши).—Стихи растянуты. Описания прозаичны. Работы не чувствуются. Написаны, как написали. Они не оставляют впечатления.

Ф. Жижикову (Нижний-Новгород).—Ст.—«Черемуха» по своему поэтическому фону, по форме и пр. взяты у старой литературы. Вы лишили вклада в него новые акценты. Получается впечатление, будто стихи были написаны позже, и лишь приведены подиумом. «Городок» невыдержан в тонах—сбивается на фельетон (особенно «Барышня и синева»). Лучше остальных «Голубые были», но в них не понятна 8-я строка, а также—стены или стено (в 15 строке)? Из присланного ничего не напечатаем, прсыльте еще.

А. Головому (Южный Урал).— Новеллы «Убийца» не напечатаем. Бытовое явление—убийство иревности облечено в романтическую устаревшую форму. Лес, ночь, терзаящий герой, совесть, раздирающий душу хохот—это эта трагичность сомнительной жизни времён. Очень рекомендую бросить эти стихи, пишите проще, давайте языка лица, а не ирачных героев, странных для современной литературы.

И. Валину (Архангельск).— Напрасно вы мучаетесь совершенством Жарова, определение его позиции у нас неудачно и скорее звучит иронически, а, ведь, вы говорите серьезно:

«Помстите ты Жарову,
Как он пишет, лужечка,
Слог легок и радостен,
Рифма, как игрушечка».

Почему Жаров душечки и почему его рифма—игрушечка? Если бы это было так, были бы очень нужны для Жарова. Ваша же белины, у вас мал также запас образов, слов и рифм. Не следует ставить вопрос так драматично: или стихи, или волны Двины Творчество в высшей степени жизнелюбиво само по себе и ему трудно пытаться такими

или-или». Решайте вопрос проще: удастся писать, имеете возможность развивать себя—пишите, если же это только болезненное увлечение, разве нечестно работать и жить без стихов. Умейте увлекаться самой жизнью, трудом, когда писать не невозможно».

Е. Мозолькову.— Стихи слабы, но учиться следует. Для начинающего и мало умеющего у вас встречаются свежие строчки. Прсыльте еще.

Л. В. Есману (Гомель).— Достоинства в ваших стихах есть. Формой вы владеете, хотя выбор образов и словарь не вполне самостоятельны. В «Несессенских мотивах» нам кажется механическим приспособлением начальной и заключительной строфы. Настроениям вы противопоставляете описательную же картинку; по теме стихотворений повторяется вещь (например, Касиша) и гораздо интереснее еще в 1918 г. в подпольных журналах. Приславшие строфы недостаточны для того идеологического значения, которое вы хотите придать стихотворению в целом. «В старом замке испело», но для «Смены» не очень интересно. Прсыльте еще.

«В о л о

(Ростов н/Д).—Присланые рассказы недурмы. Вы умеете наблюдать и зарисовывать живые сцены. Работать советуете. Напечатать не можем—не подходит по размеру. Такие вещи следут подбирать в серии на одну тему или же разрабатывать в газетном фельетоне.

А. Колесниченко (Глухов).— Напечатал «Две стопы».

С. Новикову (Ст. Петровка).— Присланые стихи слабы. Рукопись без марки не возражаем.

Н. Иевскому (Ленскому).— Стихотворение неудачно по основной, вложенной в него мысли: завод и любовь к нему, как любовь к девушке. Это не вкладывается в образы. Слабо и технически: строчки, стихи, разных размеров и пр.

В. Ивию (Новочеркасск).— Ваши стихотворения—какая-то смесь, чуть пригущенная рифмой.

И. Маслененко (Ялта).— Ваши стихотворения может подойти для местной газеты. Для широкой публики напишите лучше.

М. Переходулову (Смоленск) (без обозначения псевдона).— Пишите разборчивее—не стали читать.

С. Сиротенко (Харьков).— Растигнуто. Непонятен замысел рассказа. Не подходит.

С. Мойлову (Кишинев).— Общие фразы. Не подходит.

А. Хмельному (Духовщина).— Исп. стихотворений, присланых вами, наиболее примечательно стихотвор. «Осень», где удачно использована песенная форма и свежи (хотя спорны) некоторые образы.

В остальных слишком много вычурных рассуждений. Советуем по-прежнему учиться у современных мастеров, не пытаться не изображать.

С. Исаеву (Самара).— Слишком явно по содержанию. Есть погрешности языка (штаник вместо штанкой, замес и т. д.). Шлите еще.

Яковлеву (Сочи).— Совершенно непонятно пытаться наполнить ваши стихи. По форме они удовлетворительны, если отбросить, что написаны оничересур по-старинке, до 80—90-х годов прошлого столетия. Нужно ознакомиться с современными поэтами и избегать их пафоса.

Н. Бухарову (Куликово).— Написано совсем неумело. Нравственность блещет через край. Все скомкано. Советует больше читать.

Песни у (Прокопьев).— Тема очень использованная. Рассказ написан очень вяло. В нем не ощущается живых людей, он не волнует. В нем мало показа и очень много рассказа. Пойти у нас не может.

Н. Гудову (С. Лопуховка).— Ваши стихи беспомощны по своей технике. Вы, можно сказать, слагаете стихи по складам. Напечатать их не можем. Учиться вам со временем необходимо.

П. Березовому (г. Омск).— Напечатал вашу пьесу «СНЕГИШИ». Наша штура самобразование в «СНЕГИШИ» не представляется возможным.

С. Попову (Уральск).— В «Позме» изображение подменено пересказом событий, а нужно каждый момент заставить жить заново, во всей его полноте. Сюжет произведения, развернутый, как блог парня, однобокообраз. События не даны их живого лица.

«СОБЫТИЯ» не даны их живого лица. Пробуйте свои силы на вещах меньших размеров, но добивайтесь большей конкретной выразительности.

А. Колесниченко (Бесоводское).— Составлено из бесконечных цитат по темике. «Лего на юности» ничего было бы не мыслы, ни по форме никакой сразу грамотности.

Печатать не можем.

М. Мельникову (Донбасс).— Работать вам следует. Стихи, несмотря на технические недостатки, остаются неплохое впечатление. Может быть, какой-либо напечатаем, хотя у нас большая перегрузка в стихах.

М. Крашенинникову (Усть-Сылва).— Рассказ незадачливого, бытового или какого-либо другого значения не имеет. Напечатать нельзя.

П. Вишнякову (Кронштадт).— Стихотворение очень слабо. Написано к случаю, составлено из общих в таком случае рифмованных фраз.

Б. Борисову (Вятка).— Ваши стихи—бес икры. Сероаты, скучны, вы ограничиваетесь лишь упоминанием о тех или иных переживаниях или настроениях, но самих переживаний или даты не умеете. Напечатать не можем.

А. Н. (без адреса).— Любите вы воде писать, и по правде сказать, много воды в ваших стихах. «Захваты и разрывы—гладкое привычно. Ну! Вот прилив—водное раздолье». Беда, товарищ А. Н.! Неправда ли, водя многоотов? Более тонкие мадеры вам удаются еще лучше, плодоноснее, когда вы вспоминаете свою жизненную глыбу взять хорошее только... тогда появляются «сверх-красоты», «грезы—розы—солей» и пр.

«Так будем» мы полны умений—восклициаете вы. Давайте исправим для вас эту фразу и скажем просто: «Будем все умель».

НЕ ПОДДЕТЬ

С. Соловьеву (Кронштадт).— В. Морину (без указания адреса), П. Частикову (Могилев), А. Бенгарту (Троицк), Г. Гиндину (Киев), С. Махрову (Самара), В. Таирову (без обозначения адреса).

ПРИСЛАНОЕ ОЧЕНЬ СЛОБОДО. Рекомендовано усиленно волить за самобрзование.

Н. Ешкову (Ковров), Г. Прокофьеву (Тамбов), С. Двинскому (Николаев), А. Яровой (Ишим), Г. Артимину (ст. Ишим). ОТВЕЧЕНО ПОСЫПАМИ

С. Колбовскому (Гомель).— С. Емельянову (Арзамас), Ф. Качину (Тифлис), А. Ловиту (Гифлис), М. Петузову (Севастополь), И. Азарову (Шлиссельбург), В. Белевскую (Липецк), А. Пантелеймонову (Москва), А. Сорокину (Ленинград), В. Калашникову (Симферополь), Д. Семенову (г. Ленинград), П. Даниченко (Киев), В. Орлову (Новороссийск).

НОВЫЕ КНИГИ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ ГОСЗИЛАД

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Д. Фурманов.— Сема для (окраинка по «Митежу»)—Уфа, б-ка. Стр. 283, ц. 50 к.

П. Целканов.— Таскайль. Повесть. Стр. 96, ц. 60 к.

Л. Леонтьев.— Рассказы. Стр. 238, ц. 1 р. 30 к.

В. Каверин.— Девять заслуженных судьев. Стр. 178, и. 1 р. 30 к.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Дж. Лондон.— Сбор. согл. т. X (Смок Беллю, Смок и Кусы, Голова крови). Стр. 350, ц. 1 р. 70 к.

Эп. Синклер.— Сбор. согл. т. IX (Кинг о жизни, Волынь с привидениями). Стр. 464, ц. 2 р. 20 к.

УНИВЕРСИТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Лундеки. Пиранделло. Стр. 64, ц. 10 к.

Маргин. Альдерсон. Сен-Гесе. Стены. Рассказы. Стр. 64, ц. 10 к.

Д. Гобини.— Великий чародей. Стр. 64, ц. 10 к.

Джон Уэстлер.—Длиннющий дядюшка. Повесть. Стр. 148, ц. 30 к.

Дж. Конрад.— Фрейз сестров. Повесть. Стр. 128, ц. 20 к.

В. Реймонт.— Подсолнечник. Стр. 95, ц. 20 к.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ

Н. И. Бухарин.— Партия и оппозиционный блок. Стр. 66, ц. 20 к.

С. Крылов.— ИндустрIALIZАЦИЯ страны—хозяйственные достижения промышленной промышленности. Стр. 94, ц. 65 к.

А. Халатов.— Наша хозяйственная и рояльская экономика. Стр. 62, ц. 15 к.

А. Слепцов.— Платформа оппозиционного ликвидаторства. Стр. 62, ц. 15 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Н. ОГНЕВ.—В пасты серого волка. Д. ФУРМАНОВ.—Ломжария, Дмитрий Соломонович. П. КОЛЕСНИКОВ.—За единство партии. Р. АКУЛЫШИН.—Жите, живите, живеоживите.. Н. ПЛАВИЛЬЩИКOV.—Цветы и насекомые. П. КОМАРОВ.—Воскресающий грая. П. ИЕРИХОНОВ.—Раз в десять лет... М. КАМЧАДАЛ.—Двойная итальянка. (Подзатыльник).

Иллюстрации: П. СТАРОНОСОВА, В. ФРАНОВА, В. СУТЕЕВА.

Фотографии: Н. ПЕТРОВА, Ф. ЗУБКОВА, П. КОМАРОВА, З. ЧЕБОТАЕВА и Wide World Photo. Обложка работы В. ДОБРОКОЛОНСКОГО.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: П. Благин, П. Колесников, А. Касарев, Г. Никуфоров, С. Овечкинников.

Отв. редактор П. КОЛЕСНИКОВ

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, улица Черкасского перекрестка, д. № 6/6. Тел. 1-89-12

Рукописи принимаются, написанные на машинке или четко от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

ЧЕТЫРЕХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДОЖИ
ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА
ВСЕСОЮЗНОГО ДЛЯННОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДОЖИ
из-за "МОЛОДАЯ Гвардия"

Право авторов всех стран, соединяется!

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1926 ГОД.

На 1 год	24 ном.	4 руб. 10 коп.
6 мес.	12 ном.	2 руб. 20 коп.
3 мес.	6 ном.	1 руб. 15 коп.
1 мес.	3 ном.	50 коп.
Отдельный №		25

Подпись принимает Отдел Периодических Изданий из-за "Молодая Гвардия".
Москва, Новая площадь, д. № 6/6.

№ 18

1926 г.

СЕНТЯБРЬ

В ПАСТИ СЕРОГО ВОЛКА

АНГОРСКАЯ ПОВЕСТЬ

Н. ОГНЕВ, рисунки П. СТАРОНОСОВА

1. Мурад, прозванный Худощавым.

СТАРИКИ—всегда старики. Молодые—всегда молодые. У стариков руки трясутся, мутнет зору, подгибаются колени, и тогда старики начинают уверять, что они познали истинную мудрость! А знаете, в чем заключается стариковая мудрость?

— Целуйте руку, кисть которой ты можешь свернуть.

Где это находитесь, злые старые? У вас нет ни малейшей мускулатуры! Это наше единственный источник Ислама, которую тоже выдумали старики.

К шайтану (львию) в крыльях такую мудрость!! А вы говорите, что я богохульствую и что я поизну коран и что дядя пророк отказал мне в прощуске в рай?? Пусты, меня от этого не уберут! Кааба и Кабзат Старики не были на высотах Кавказа и не умирали от проклятых дихордий вместе с братьями нашими, русскими аскерами (солдатами). Аллах! Там, познается истина, а не гнилая стариковая мудрость.

Вы говорите, что русские не братья, а враги гиурам (неверные), что русские всегда были злыми собачьими, а не людьми. Ошибайтесь!

Какой эфир (вода) в водах твоей проповеди? Я ложусь спать, сплю спокойно, и во главе их—мудра Рахиль. Пару чашек зеленого чая, чтобы они принесли там хороше и жирное потомство! Вы спрашиваете, где я научился так ругаться? Ишшадах! Я еще не там умер! Я могу выражаться так, что затарысят небесные своды и старики от страха спрячутся в женские шальвары!

Клянусь гробом пророка! Русские показали, что таков настоящий газават (священная война)! Всех своих шейхов (почтенных стариков), всех имамов (духовных лиц), всех джанджек (акхарей) заняли они в присподнюю на ужин джонин и баракарис (разные виды чертей)! Пока я был у русских в плену, я многое научился. Не будь я Мурад, по прозванию Худощавый, такой же бедняк, как вы, если я не знал теперь, где истинная мудрость!

Три языка я знаю! Канки же враги, какие же гиуры русские, если они на приколы дали мне каравай хлеба, вот эту влитовку и еще пару гранат и сказали:

— Научи, братинка, своих, чтобы и они сделали так же, как мы. Да, они так и сказали: «брушинка», а это на их языке значит больше, чем ридий брат.

И вот я прихожу к вам и говорю эти слова, а в ответ вы грозите тариками, упоминая падишаха и скрещете заспишины из корана. Пускай тысячи джонин (чертей) пронесутся над вашими домами и сорвут с них крыши, чтобы ветер пронесся и разнес ваши мозги. Знаете, что слепят русские со своим злобным языком? Они согнали его живьем, зародили в нем птиц и пастухов в сторону моря! Разве не падишах, не мулла Рамза, не старники твердили нам все времена?

Хар-соны (после войны!)—И вот война с русскими кончилась, а уже настала новая война, когда и франции (франгузы), и энглизы (англичане), и элинги (греки) лежат на нас с разных сторон, и виноградники остаются неубранными, и уже не стало торговли, и вы пытаетесь больше не бандарий (еврейская говядина), а конско-кальмак. И что же мы слышим теперь? Все то же:—Хар-сони!

Не будь я Мурад, прозванный Худощавым, если я буду еще тратить с вами слова, когда знаю напрочь, что, пропадя домой, вы поискаете десятую часть скота холода мулле, а я зажигаю крошки своих детей вы сладил, собираясь ашара (подать)? Бедняки вы есть, бедняки мы и останемся! Вы проявили от века и до века! Я даже знаю, что, если бы не эта русская винтовка, которая заряжена на пять зарядов и пропадает из десети патронов гранитную стену,—если бы не эта винтовка, вы сязгали бы мне руки и сгнали к мулле. Солейман, сын Давида! Всю грудь, вы ищите вы в ссадках плаща муллы!

Не будь я Мурад, прозванный Худощавым, если я буду еще тратить с вами слова, когда знаю напрочь, что, разбросав все свои золоты и бесценностей, я и мой добре сабах, переселиться в их дома и женившись на их дочерях,—тогда приходите за мной! да тек пор вы меня не узнаете. Так и знайте, не увидите, сыновья опаршилых козлов и гулящих ющек! Клянусь здешней эззидой!

И в подтверждение своей липиной, я не складной речи Мурад, прозванный Худощавым,

— Не будь я Мурад, прозванный Худощавым,
если я буду еще тратить с вами слова...

стукнул об камень ложем винтовки, плюнул в толпу кресты и скрылся в виноградниках,—только его и видели.

— В его словах много правды,—сказал Орхан Горбонской,—но, должно быть, все же его посыпал аллах (т.е.—он сошел с ума), если так поносит муллу и падишаха. Где он скрывается? Кто же послал ему эту пытку?

Но это было еще одно ответа. Кресты маленькой, затянутой в виноградниках и маковых плантациях, деревушки, доли забогами с сего-нишним дне, и им очень мало дела до того, чем и как пытаются другие, тем более такой бродяга, как Мурад. Что он хвастается тем, что участвовал в войне с русскими. Их так же, как его, повели в Кавказские горы, наступив блаженству на небе, если пойдти за зеленым знаменем пророка. Их так же, как его, спасли именованы сыновьями Османа, в крепких немецких ботинках, под копченой гонгли в виноградных окопах, и скормили малирьином козлам...

И они вернулись домой. Правда, жизнь стала тяжелее, гораздо тяжелее, чем до войны с русскими, и Мурад говорит правду, что и французы, и энглизы, и особенно греки собираются на их войной. Но они себя провести не дадут. Пусты едой сложат один виноградный жемах, а питьем—ключеват воду; но на войну, ни на какую войну они больше не пойдут.

Хорошо говорить Мураду, у которого во время его пребывания в русском плену умерла жена и маленький сын, и Мурад остался одиличом, как отшибшийся от стада горный козел. А тот, у кого есть семья и маленький дом с плоской крышей, и хоть кусочек виноградника,—тот связан по рукам и ногам.

Анатолия великая, и не скро эззиды и франци доберутся до деревушки. Если же перебить всех ходжей и имамов, как советует Мурад, забрать их добро и поселиться в их домах, то ничего хорошего не выйдет: придется вали, начальник вилайета, с султанским аскерами, повесить несколько человек для примера на высоких чинарах, у остальных отберет все имущество, и жицон станет подобие жизни диких чекалок. Нет, пусть у Мурада заберут джони с его советами. Так—спокойней.

2. Боз-Курт—Серый Волк

О РХАН Горбонский добред от своего домика, сбросил мешок с маковыми головками с плеч и поцелал жену:

— Гюлид-ханум, дай мне еды.

Жена сидела во дворике в тени, спасаясь от зноного осеннего солнца, и укачивала ребенка. Ребенок этот, Абдалла, родился недавно и поэтому не мог понимать человеческой речи,

но Гюлид-ханум убаюкивала его старой анатолийской песней—песней про Серого Волка.

Орхан лег на полу на пыльные кирзовые и, отдохнув, ждал еды и слушал: конечно, Гюлид спачала укачет ребенка, а потом придет в дом; иначе ребенок не даст спокойно переваривать пищу. Гюлид—хорошая, спокойная, верная и порядливая женщина. Она сохранила еще красоту, и в этом отношении Орхан гораздо счастливее своих односельчан.

— Спи, маленький горный козлик,—говорила нараспев Гюлид.—Пройдут тяжелые времена, будет урожай винограда, все будут смыты и счастливы. Все это сделает Бог-Курт.—Серый Волк.

Было время у османлисов не было дома, не было пристанища, не было земли, не было виноградников. Как сухие листья чинар носило их ветром по степи, и они сегодня не знали, где будут ночевать завтра. Из вед великий Осман, и он же не знал, что будет дальше. И все думали, что, в конце концов, они умрут в степи, потому что выручить их могло одно только чудо.

баш, шерсть на нем была длинная и серая, но он не бросился на них, нет, потому что это был добрый Бог-Курт, пришедший с севера.

Бог-Курт бросился на гранит и грудью своей разбил грани. Гранит распался, как от удара грома, на две части. И среди гранита образовалась дорога. Османлисы бросились по этой дороге вперед,—и что же увидели они? Они увидели богатую, плодородную страну, усеянную виноградниками, они увидели стада коз и баранов с волнистой шерстью и зелеными пастбищами для них.

— Эта земля для вас, сыновья Османа,—сказал Серый Волк, и голос его был, как удар грома. Так назвали Анатолию сыновья Османа великого, и с тех пор проходят годы и столетия, а земля Черного и Белого Барана не перестает кормить правоверных...

— Ну, что же, Гюлид?!—нетерпеливо крикнула Орхан.—Я хочу есть!

Гюлид бережно уложила маленького Абдуллу в травяную колыбельку и легко бежала в дом; там, сняв с очага дымящуюся похлебку

казание. Толпы гяуров со всех сторон обрались на Анатолию и заперли все выходы к морю. Христианские сабаки заперли в Сивасе падишаха и угрожают лишить его жизни. И я, имею падишаха, призываю вас к оружью. Настало новое священное пророка. К оружию, приверните к оружию!

А как же обещания падишаха: харб-созы? Крикнула чей-то дерзкий голос из толпы.—Письма вами нам обещали все, а теперь хотят отнять и жизни!

— Как хотите,—устало ответил падишах. Мы не будем заставлять вас силой браться за оружие. Мы вас оповестили о грозящей на беде, и не сможем помочь, когда беда придет. Разумные из вас последуют за нами в Ангору, там будет выдано оружие и снаряжение, и оттуда полки первых сыновей Ислама ударят из неверных. Кто же не может итти сейчас, должен притти после. Мы выступаем сейчас же, не медля ни часа.

— Османлисы!—крикнул мулла, выступив из толпы, и его седая борода затряслась от испуга.

— Ну, что же, Гюлид?!—нетерпеливо крикнула Орхан,—я хочу есть...

Так шли они день² за днем; одежда их обтрапалась, ноги были изранены о камни, но все еще не было видно конца пути. Так шли они день за днем. При этом у них часто не было воды, потому что шли они по степи, и нечем было им утолить жажду.

И вот—выросла перед сыновьями Османа громада монстра изобретения. По этой стене никто не мог пройти, потому что ее поверхность была гладкой, как стекло. И всем стало ясно, что дальше ити некуда.

Синий, маленький котик, тебе жить будет легче, потому что кончины ворона, падишахов всех изделит землей и виноградниками.

Итак, они подошли к стене. Они не знали, как перебраться через эту стену, и сам великий Осман не знал, несмотря на то, что он был мудрый, как святой пророк...

— Гюлид, я есть хочу,—ворчливо проговорил Орхан.—Абдalla, повареное, уже занесу.

— Сейчас,—ответила Гюлид.—Твоя уши будут страдать, если он не заснет как следует. Итак, мой маленький сынок, мой козлик, мой мальчик, ты спи, спи, спи, спи, спи, спи, спи, что делать. Многие уже умирали от голода и жажды, и сам великий Осман сидел в задумчивости у скалы, как вдруг сзади них вырос Бог-Курт. Он тоже был вышешина до по-

из козьего мяса, Гюлид поставила ее перед Орханом.

— А этот бездельник Мурал хотел, чтобы и этой похлебки у меня не было,—думал Орхан, принимаясь за еду.—Слушать таких—все равно, что кормить козла виноградом,—только не будет, а убыток большой.

Но анатолийский слух различил инезапенно доносившуюся откуда-то издалека привычный рожок; сердце тревожно дрогнуло. Что это такое? Неужели султанские аскеры явились выбивать ашар?

Ханум, прям скорей мешок с маком и сущим виноградом,—сказал Орхан, вставая и прислушиваясь.—Мне кажется,—аллах наил-нами,—в деревне аскеры...

Гюлид не заставляла повторять пророчество, взвела один из мешков на плечи и потащила куда-то по двор, а Орхан вышел из дома и отправился по направлению к площади.

Несколько запыленных и обваренных ведников прибежали к себе почти все население деревни. Одни из ведников играл на рожке, и мужчины и ребята, поспешно бросая рабочие инструменты, со всех сторон пришли на площадь; нет сомнения, что женщины притягали по домам имущество.

— Османлисы,—утолмлено сказал один из ведников,—аллах, ниспослав нам новое на-

нение.—Слова этих неизвестных кажутся мне ложью. Что такое Ангора? Ангора—маленький камушек в чалме султана и повелителя всего Ислама. Почему они зовут вас в Ангору? Мне это кажется подозрительным. Откуда они знают, что падишах в плуне у неверных? Пусть покажут фирманд (декрет), хотя бы тайный, чтобы мы могли им поверить!

— У нас нет никакого фирманды, кроме приказа Мустафы-Кемала-пашы,—крикнул другой ведник.—Мустафа-Кемаль—великий вождь, и это он собирает войска в Ангоре. Вот листы с его именем!

И всадники шмынули в толпу пачку литературных прокламаций.

— Прравоеверные!—воскликнул мулла, пожавив один из листков.—Я думаю, что все это неправда и что вас хотят заманить в ловушку. Кто будет обрабатывать виноградники и маковые поля, если вы уйдете? На кого вы покините ваши жен и детей? Именем аллаха заклинавших вас—не ходите!..

— И кто будет давать десятую часть мулле?—крикнул чей-то дерзкий голос.—Вперед, османлисы, вперед! Я уже предупреждал вас, но и всем вам грозит несчастье! Султан далеко, а ваши дома рядом. Я иду в Ангору!

И Мурад, прозванный Художником, выступил из толпы со своей неизменной панциркой.
— Да, вот такие бородатые которые носят
алаха и не признают власти падишаха
и духовника, — могут ити куда угодно, — про-
вокнул Мурад. — Но я и прежде допросил бы
их хорошенько...

— Сейчас, когда Анатолии в опасности,
не им времени допрашивать кого бы то ни
было, — ответил первый из всадников. — С нас
засточного доброго желания следовать в Ан-
тору. Кто еще с нами, османился?

Кроме двух безродных парней, желающих не
оказаться никого. Всадники посадили их
и Мурада сзади на лошадей и поплыли
распашной деревушкой. Остальные, разошлись
по домам.

Через неделю деревушка была разрушена
и покинута за отбившимися от своих итальян-
ским бергальским отрядом; обозленные го-
ды и южной солдаты не щадили ни женщин,
ни детей. Здоровые мужчины бежали в горы,
иуда успел благополучно отбыть по направ-
лению к Смирне.

З. ВОЛК ЛОМАЕТ ГОРУ

АНТАНТА со стороны Адана наступали французы, со стороны Адидана — итальянцы, со стороны Смирны — греки. Англичане с удобством расположились в Константинополе и в нужных слу-
чаях дергали за ниточки своих «созиоников». Тогда же были важны только мусульманские альянсы (округ), с его боями нефтяными истори-
ками. Гурум казалось, пришел конец. Султаны Вахиддин, чеки в Кемаль врага, судорожно
дрякли за античные. Мировая война и в этом
своем участке приходила к концу. Еще не
конечно — Турции не будет.

Обгоранные и голодные султанские аскеры
брюши по стране, и наравне с чужими, граби-
тельски крьстили. Тщетно ходили и мурлы призыва-
ли вспомнить аллаха — попадали и им. Ана-
тolia пытали истребляющими черным огнем
наркотиками.

Всё стране только Мустафа-Кемаль не
терял головы. Опытный и хитрый старейшина султанской армии, бывший гардемарин, он собрал
в Ангору остатки депутатов — купцов и духов-
ных лиц, и восстановил сопротивление чужеземцев.
Понимая, что среди неграмотного и не-
вежественного народа еще силы старых пред-
расудков, Кемаль обнажил священный поход
на Константинополь, с целью освобождения
столицы, как главы всего Ислама. Поэтому
он поддержал и стоявшие за старину имамы,
умы и ходжи. Они не подозревали, что через
три года очень многие из них погибнут на
местце только за проповедь возврата к ста-
рому и восстановлению власти султанов.

Как бы то ни было, Кемаль организовал
шайбилью, но крепко склоненную неизвестно
к гибели армию, и, прогрев к морю небольшие
поголовье и французов, повел наступление
на главного врага — греческую армию, в со-
ставе нескольких тысяч человек надвинувшуюся
на Ангору со стороны Смирны. Смирна распо-
ложена у моря, и там совсем недавно были почи-
таемы истреблены все население огнем с ан-
глийских военных судов. Одышленными успехом
чужих оружий, греки рассчитывали в самом
короткое время окончательно разделаться со
своим вековечным врагом — турками, занять
Ангору и обнять всю Малую Азию — гречес-
кой провинцией.

— Ещесилях, сто
жиннов вам в глот-
ку! — орал Мурад «ял»
— Не говорили ли я
вам, смынья шайтан, что нужно было захватить
в деревне виноградной ракии (подки) ? Чтоб
вам всем спать с гулами (мифические вельмы,
пьющие из людей крови) ? Чем теперь мы
будем согреваться, если с реки поднимется
туман? Или вы думаете, что раньше, чем мы
выспимся, нас начнут греть проклятые гре-
ческие собаки?!

Солдаты любили Мурада за его постнуюю
ожиженную ругань и за то, что не любили заламы-
вались над решением вопроса. Вот и сейчас,
проходя через деревню, Мурад захватил с собой
козленка, снял с него кашель и, вытирая в походном
котле, — реки, действительно, поднималась туман
и грозил прократить людей до озиона че-
рез скущую одежду.

А тебе не поздоровится, Мурад, если
ты попадешь в лапы к нечистому, — со смехом
сказал изнанкой крестьянин с тряпками вместо
обуви на ногах. — Он заставит тебя прогло-
тить обратно все те богохульные слова, которые
ты выпустил в течение своей жизни.

— А я заставлю его прогулиться вместе
со мной к русским, — возразил Мурад. — Там есть
у меня такие «братинки», которые самогон
шайтана заставят сесть себе погоды.

— А я бы говорил, что русские аскеры

идут сюда нас, чтобы помочь нам в борьбе с энги-
зами и тремами? — спросил голос из темноты.

Конечно, правда, — отвечал Мурад. — Ула-
ла! Русские сбросят власть своего падишаха
Николаю, стали сильными, как дикси. Они не
только идут, они везут с собой свои орудия,
из которых можно бить до самого Стамбула.

— В дружбе ли с ними Кемаль-наш?

— Он в дружбе с главным русским пашой,

которого зовут Ленин. Кемаль послал ему воз-
душное письмо, и Ленин ему ответил, что да, —
идет. Этот Ленин, должно быть, святой. Он обе-
щал и поклялся обособить всех бедников на
земле и передать им богатства ходжа. Он отменил
наименование «феодал» (потченный, благород-
ный). Кроме того, Ленин умеет летать по воз-
ду, как птица, изрыгает при своем приближе-
нии огонь, — врал, не стесняясь, Мурад.

— Ну, это умеют и энгизы, — возразил тот

же голос. — Когда мы сидели на подступах к Стам-
булу, энгизы на металлических стре-
лахах над нами и бросали бомбы. Да, и на пади-
шаха были тогда такие стрелы.

— В глотку к эфирку твоих греческих птиц! —

— с жаром воскликнул Мурад. — Ранее можно

сранивать маслом с камнем и верблюд с яще-
рицей? Пф! Ленин велика, как дворец пади-
шаха, и называет длинный и красный огонь,

а не какие-то парнишеские бомбы! Инишадах!

Каба и Куба! Туфия Махмада! Отsekite

мие правую руку, если вы знаете, что такое

Ленин!

— Позвольте мне погреться у огня, османы,

— сказал жалобный голос из темноты. — Неверные собаки разрушили нашу деревню и сожгли дома. У меня нет пристанища и очага,

и то не пригласил бы вас к себе в дом и подал бы вам угощение.

— Садись, смы шайтана, — похлебки, хва-

ти и на тебя, — ответил Мурад, глядясь на

темноту. — Это ты, Орхан! Горбатый!

— продолжал он, когда боязнь села на лицо подшефного. — Откуда ты знаешь аллах несет?

— Так ты говоришь, что деревня разрушена? Не

говорил ли я вам, что так именно и будет, съ-
ны забытой собаки и дохлого верблюда?

Еще похлебку, несчастный правоверный. Где

же ваши муллы, которого вы слушались, как
святого?

— Мулла Раҳхид бежал вместе с нами, — угрю-
мо ответил Орхан. — Но он успел захватить с со-
бой имущество и провизию, потому что у него
были мулы. А у нас итальянские собаки в первых
истребили не только домашки, а еще жен и де-
тей...

— Как? Разве убита и Гюльз-ханум и
маленький Абдаллаз? — сожалению воскликнул
Мурад. — Несчастный же ты человек, Орхан!
Куда же ты теперь идешь?

— Я и сам не знаю, — ответил Орхан. —
Должно быть, прямо в преисподнюю. Больше
ниги мне некуда!

— Узала! Коты эблица! Зад пророка! —
выругался Мурад. — Хочешь воевать с грече-
скими собаками?

— Берусь разбить пару черепов, — также уг-
рюмо ответил Орхан. — Я буду драться до тех
пор, пока из меня не поболзут внутренности.
Только мне хотелось бы добиться из итальян-
ских собак?

— Итальянец пока нет, уважаемый эфенди
Орхан, — с поклоном проговорил Мурад. — За-
кажи их нам, и они будут через неделю. Узала! Неужели убит и маленький мальчик Аб-
далла?

— В досаде на то, что Гюльз не хотела
раскрыть для них свою грудь, итальянские
собаки разбили Абдалле чере... — еще слышно
ответил Орхан. И все-таки они раскрыли грудь
Гюльз, и взяли ее насилию... — от этого она
и умерла, они ее замучили. Так рассказывали
ми те, кто чудом вывернулся из итальянских
лап.

Мурад задумался. И у него тоже когда-то
сказывалось, что странно давние десятки лет назад, а
на самом деле перед пятью с русским — была
эта Гюльз, — и она звали — Звездой, —
и маленький сынок, Решид. Когда он вернулся из
русского плена, не было уже ни жены, ни
сына, как не было и дома — все сожрали вели-
кая пойна. Тенеры он, Мурад, безорден. Но и
Орхан оказался внезапно таким же безорденом.
И сколько еще таких безродных, обиженных
и обозленных бородя прелоготворим Ана-
толии. А кто в этом виноват? И будет ли этому
когда-нибудь конец?

Солдаты у костра спали. Где-то впереди
попыткали слабые выстrelы — они не прекра-
тились ни на минуту. Еще где-то, в речном тумане,
запел та-та-та, как весенний гусь, пур-
лем. Орхан, не ложась, сидел, раскачиваясь
у костра; длинный и горбатый нос бросал
принужденную тень, едущую по земле.

— Знаешь что, Орхан, — сказал Мурад, —
вот когда я был у русских, то узнал, что есть

МАРШ ВЕРБЛЮДОВ

От гиблых песков Туркестана
Верблюды ходили к Днепру,
И рано, рассветом, с кургана
Молились траве, по утру...

А вместо туркмен в халате
Погонщиком был белорус...
Но дружба бала, как у братьев,
Под вызовом основных бус...

Как песня эн тонкой жалейке,
— Верблюдов встревоженный крик —
«Уруссам сели айтекум!»
Врываешь в расщеп повлики...

Случилось (жива еще память)
В отрядах не стало патрон...
Верблюдов в ширальную замят
Отправились с грузом на фронт.

А там подыхали атаки
В разрыве смертных огней.
Верблюдов тогда на полков
Отправились вместо коней...

И мескин, ущербный на расхыв,
Шатаясь, смотрел за щоссе...
А там застылая трупы
Купались в вечерней росе...

Немного пернулось верблюдов
Слезить голубой солончик.
Но песня моя не забудет —
Верблюджих смертных атак.

Пусть песенку вызовут бусы,
Пусть песню жалейка споет.
Забыть ли, забыть белоруссам
Седой девятнадцатый год...

В. Шуликов

такая партия, которая называется «коммуна». Эта коммуна добивается равенства всех бедняков. Если удастся оставаться живыми, нам с тобой остается поступить в эту партию, чтобы найти себе новую родину. Я думаю, также поступят и остальные безродные османы.

— Мне все равно,—сказал, раскачиваясь, Орхан.—Лучше всего ми быть убитым.

Он еще не пережил своего великого крова-ного горя.

На земле ухнуло первое орудие. В тумане было видно, как отступал греческий арьер-гвард. Пулеметы заработали шипящими машинами по всем направлениям.

Богдан—Орхан, сын шайтана,—ударил по панцирю кирасира, крикнул: Мурад!—Наступает пора переведаться с греками, собаками. Об этом сказано в коране: ты будешь бороться и побеждать врагов с открытыми лицами. Иншаллах, что я даром учился в мадрасе (школе)? Знайте, сабачьи дети, что любого мулая я могу закидать текстами! Тысячи лжунов вам в желудок, чтобы они там затели великий плюс! Не буди я Мурад, прозванный Худощавым, если перед наими—не зеленое знамя Корана—величественный хангарис саде, побед!

И зеленое знамя Ангоры, возникнув в съезде тумана, повело их за собой вперед, за греческими подвижцами. Кемаль, охватив железными клемами противника, скжал клещи как раз во время: греки оказались прижатыми к Смирне и морю.

И в тот день, когда десять тысяч греков было сброшено в море и большая часть Анатолии была очищена от врага, и, казалось, измученное население могло начать дышать свободно, и поля невозбранино могли начать зеленеть, и советский полпред Семен Иванович Арапов уже ехал круизными путями в столицу новой Турции, один из адъютантов почтительного Кемаля на позиции под Смирной:

— Эфенди Кемаль, мне кажется, что вас можно сравнить с тем самым Боз-Куртом, Серым Волком, который фигурирует в старых тюркских легендах. Вы, поистине, разбили грудью гранитную гору.

Кемаль усмехнулся на лесть лукаво и умно, напрягши бинокль в сторону Смирны и ответил:

— Я думаю, что главные твердыни еще впереди.

4. Волк показывает зубы

В О ВСЕХ домах малазийского побережья появились портреты Мустафы-Кемаль-паши. Он был изображен не в традиционной феске, а в панахе. В домах победе появилась любчая картина с базара, изображавшая Кемаля в той же панахе, но среди двух почтеннейших имамов,—вспоминая о том, что Кемаль окружает себя духовниками, которые ведут войну во имя Ислама. Но уже раздавались выстрелы в мечетях и на базарах горячие, негодующие возгласы против кемалистов, осмелившихся итии против Ислама: ведь согласно корану «ангелы не должны входить в тот дом, где имеется какое-нибудь изображение».

— Правоверные! Остерегайтесь козней гяуров!—гласили надписи на плакатах религиозных процессий.—Волки ряжены в овечьи шкуры для того, чтобы смутить вас и посеять между вами раздел!

Все взрослые мужчины идите в народную партию!—вывешивали кемалистские плакаты.

Мурад и Орхан, оба одновременно раненые, попавшие в походный госпиталь и теперь вышедшие оттуда, бродили по улицам города, не зная, куда приткнуться, когда наткнулись на вывески:

— Партия «Зеленое Яблоко». Сюда идут все, желающие коммуны и сладкого рага на земле.

— Сто гул в постель Махмудеду!—воскликнул Мурад.—Это то самое, что нам нужно. Не говорил ли я тебе, Орхан, сын гуляйки ящерицы, что мы найдем свою пристанище и свою семью? Идем за мной!

И скватин Орхана за рваный рукав, Мурад втащил его в изненавистную и грязную дверь, за дверь в канцелярию, сидели двое мужчин.

— Привет вам, доблестные сыновья «Зеленого Яблока!—задорил Мурад.—Вот где, на конец, я нашел то, чего искал. Нет слези на

Вечер бросил последние взгляды, Сутены в поле неслышно полет, А рабины опять в листопаде. Сыплют золото пламенных сол.

Догорело зеленое лето, Потемнела на взгорьях межа— И с ульбкой ржаного привета Подошел к закромам урожай.

Хорошо. Голубеют туманы, Крустон шелест опавших листов, Знаю—плотно и накрепко встанет Этих пашен кудрявым новь.

Не грустить о соломенных крышиах, Худи в новой одежде стоят— И дожди черепицы не сложут, Развязывая о каменный скат.

Отдыхают запашки в ложбине, На укосах повышеньиа пни: Первый трактор в «азземе» и глине Распахал перегнившие дни.

Синеет стеклянное небо, А кругом раскатились поля— День вчерашний как будто и не был, И приветливо смотрят земля.

A. Пестюхин

русских «братьшек»? Я бы выпил на раке с ними раки и мы устроили бы некоторое шествие для всех имамов и ходжей!

— Вы жалеете, правоверные, записываясь партию «Зеленое Яблоко»?—вежливо спросил из сидевших.

— Ну, да, записаться, приняться и войти в коммуну. Не так ли, доблестный Орхан, вы видите ли, почтенные шейхи из «Зеленого Яблока», потеряли семьи, родину, дом и тепло, как голодаю еда, жаждем обрести в коммуне новую родину. Кроме того, мы—солдаты Кемаля, а это чегибасть до стыда! Мы трясли свою кровь и тела желаем вознаграждения!

— А есть ли у вас пластиры, чтобы наклеить в классу «Зеленого Яблока» членские взносы? спросил другой канцлерниц, с седой бородой. Без взносов люди не принимаются.

— Мы можем внести в коммуну руки головы и пустые жездуды,—весело ответил Мурад.—Что же касается пластиров, у них просто же, сколько у эблинса в правом краине.

— В таком случае, вы не можете быть пленниками в партию, —важно сказал человек с седой бородой.—Мы принимаем всех, употребляющих пластиры при селе,hornиях в гробах своих первых, дохнувшихся музыкантов на похоронах, опьянившихся от погребальной пыли, но не можем принимать людей, не имеющих в кармане постра, чтобы внести в кассу партии?

— Вилки при еде!—воскликнул Мурад.—Дайте мне еду, и я покажу вам, как живо обходиться не только без пильи, но и без тараса Гроб для мертвого! Если бы у меня был гробы сланно поужинали бы сегодня на парусах, не от его продажи денежки. Не так ли, доблестный Орхан? Отказываемся ли мы от многочестия? Мы отказываемся даже от одножестия потому что, видите ли, знаменитые шейхи из «Зеленого Яблока», нужно раньше иметь их проклонить жену, чем заводить ее. Крама шайтана! Штаны пророка! Есть ли у него пластиры?

— В таком случае, вам не зачем здесь пребывать,—заменил человек с седой бородой.—Изите на базар и предложите свои услуги в качестве носильщика трупов.

Видите, постенный шейх!... начал был Мурад, но изгладился в лицо старика, запнувшись и потянувшись Орхана за собой и пахом.

— Как же я сразу его не узнал?—спросил Мурад на улице.—И как ты не узнал его, доблестный Орхан, сын эблинса и доктор спина? Ведь, это наш уважаемый—сто джинов ему в живот —мулла из нашей деревни. Хорошая коммуна, в которой он будет председателем. Да он скорей даст отрезать свою бороду, за поделится куском хлеба с бедняком. Чудеса и только! Вот так коммуна!

— Вы желаете, правоверные, записаться в партию «Зеленое Яблоко»?

1 Вилки при еде, похорони в гробах и пр- запрещено кораном.

— Почему ты кричишь так громко про коммунизм? — спросил, остановившись, случайный прохожий. — Разне ты не знаешь, что, кто проповедует коммуну, сажают в тюрьму?

— Это очень хорошо, если это только правда! — заявил Мурад. — Бынку и прапушки шайтан! В таком случае я немедленно донесу вали (ваше величество), что в этом доме, на котором пишется «Зеленый Яблока», проводят коммуну!

— Я бы сам не имел ничего против, почтенный! — ответил прохожий, подозрительно оглядывая кругом. — Дело в том, что эта коммуналистка для непосвященных. Мулы и куницы устроили ей для отвода глаз, тогда как настоящая коммуна преследуется и принуждена прятаться в подполье.

— Русская коммуна? — сказал Мурад.

— Турская коммуна, — ответил прохожий. — Не устроена она по такому же образцу, как русская. Но кто ты такой, почтенный, почему ты так обиженный, потому что утром три парни из кулачного клуба тебя избили?

— Столкнулся с ними сразу, тысяча дюймов, в ах! — крикнул сын собаки, принужденный на них отступать. Я солдат кемальистской армии, вот что я таков. И товарищ мой такой же, — клянусь честолюбивой пропагандой — точно такой же. Мы ищем настоящую коммуну, потому что у нас нет ни семьи, ни родни или же семьи, у нас нет и дома, и жажду наши пусты, как мех путешесвенника через пустыни.

— В таком случае, следуйте за мной, — сказал прохожий. — Я вас накормлю, а потом мы поговорим о работе.

— Но как же быть с муллой, который заходит в «Зеленое Яблоко»? — спросил Мурад. — Не успокойся, папа! На линии есть борода имеется, и она растет. Я вобь ему не могу, а тысячу зеленых блоков как спреди, так в саду, чтобы он не мог больше обманывать бедных, инущих коммуну!

— Тише, почтенный, тише, — испугался прохожий. — За такие речи ты можешь попасть в кюрокажмены. Видишь ли, эти собаки находятся под покровительством полиции.

— Но, ведь, я солдат кемальистской армии, — гордо сказал Мурад.

— Это ничего не значит, — возразил прохожий. — Хоть бы ты был генералом, даже это не спасет тебя от полиции.

Собеседники вошли в кафеню, где вынывали горячее кафе и селки по куску козьего сыра. После этого, предложив ряд вопросов, и, видимо, удовлетворившись ответами, прохожий покинул Мурада и Орхана за пристань, где в тот день они устроились грузчиками тяжестей.

5. В волчьей пасти

КЕЛЕЗНЫМИ лапами Кемала подавлялась захария по всей Анатолии. Стамбул был еще в руках англичан, но уже велись переговоры о его эвакуации. Степенно увозили пленники из Адриана и французы из Азана. Европейские страны, одни за другой, торопились «признать» власть кемальистов. Англия торжествовала. Декреты, однозначные вступления в союзники, были разосланы в изобилии. Мулы и холмы, созависшиеся протестовать, погибли на полях. Но одновременно Кемаль беспощадно нападался с тою что воинственный молодой троцкий коммунистической партией. Необычно вежливо и любезно разговаривая с Москвой, главой новой Турции делал вид, что не имеет тираннической власти в Анатолии. Расправа. Тридцать шесть турецких коммунистов, воспарившихся из Москвы, с конгресса Коминтерна, были вывезены в Трапезунд на моторных лодках в море, застрелены и выброшены за борт. Кемаль одновременно делал революцию в первых реакциях. Побеги ТГП беспощадно убегали за границу, за другим. Кемаль хотел быть Крамблом — единой диктатурой не мирится сностью советов.

Орхан в партию не вошел. Работая на пристанях вместе с Мурадом, он все еще не мог притянуть себя после переизбрания. Когда Мурад всеми гранями и неправдами затаскивал его на несанкционированные собрания грузчиков, Орхан угрюмо молчал и слушал только свой собственный, внутренний голос. Отработав положенное, Орхан еле ложился спать. Но он привязывался к Мураду, как к другу, брату, существу самому склонному и единственному на земле.

Мурад пользовался уважением на местах, большую частью из-за его забавных ругательств. Однако, теперь Мурад сдерживался; он был инструктирован организацией о том, как себя вести, чтобы не попасть в лапы полиции. По-

этому, лаяясь по всяческому поводу и даже без повода, Мурад тщательно избегал всяких выражений, которые могли бы показаться подозрительными. Ругал духовенство, но не прогнал аллаха. Обслыпался султана, но не прогнал депутатов.

По вечерам же он ходил на собрания. И тогда его долго ждал Орхан в их общей дыре пристани, снятой за гротину на старухи-торговки. И вот, как-то вечером Орхан не дождался Мурада.

В недоумении Орхан высказывал нескользко раз на улицу, вглядываясь в ее темноту, но Мурад все не приходил. Тогда Орхан пошел на пристань, долго бродил там, вглядываясь в лица одиночных прохожих, пока не наорался на по лицейского, заподозрившего в нем портного жулика.

Орхан ушел с пристани и покуял в груди глухую звериную тоску. У него в ушах раздалась решительный и звонкий голос Мурада, Орхану нечего было сказать этот голос куда-то его зовет, — пресная речь ругательствами:

— Где ты, доблестный Орхан? — казалось, звал голос. — Где ты, сын быка и дохлой кошки? Иди сюда... сюда... сюда...

Но куда: сюда, голос не говорил. И поэтому Орхан бродил по городу до тех пор, пока не рассвело, и пора было уже ити на пристань, на работу.

Орхан на работу не пошел. Всего пристани Орхан отправился туда, где в первый раз вместе с Мурадом встретил бледнолицего прохожего. Побродив немножко по улице на «Зеленое Яблоко», Орхан вошел в кафе. Ему повезло. За одним из столиков сидел тот самый прохожий.

— Где Мурад? — угрюмо спросил Орхан, не пободавшись.

— Тише, тише, — замахали руками прохожий, расплелись и вытащили Орхана за руки из кафе. — Разве ты не знаешь, что твой приятель, Мурад, сегодня ночью арестован и отправлен в яму для прокаженных так же, как и те, которые были вместе с ним?

— В яму для прокаженных? — переспросил Орхан.

— Я не знаю, может быть, от спиртлен туда и по ошибке, — продолжил прохожий, опасливо озираясь. — Дело в том, что такого декрета нет и вряд ли Кемаль-паша мог отдать такое распоряжение. Я слышал, что просто это дело подчинено. Надо тебе сказать, что Мурад участвовал в подготовке забастовки грузчиков.

— Где же эта яма? — упрямко спросил Орхан.

— Она за Восточными воротами города, — ответил прохожий. — Иди — и найдешь.

Орхан пошел по указанному направлению. Уже садилось знаменное восточное солнце, когда он добрался до карантинного королода.

— Куда идешь? — спросили его солдаты.

— Туда, где яма прокаженных, — ответил Орхан.

— Иди, только не возвращайся, — насмешливо сказали солдаты и подтолкнули его в спину. Орхан не обратил на это никакого внимания.

Когда Орхан доехал до ямы, было уже совсем темно. Орхан услышал откуда-то снизу песни, крики, стоны.

— Мурад! — закричал Орхан. — Отклинись, Мурад!

— А, ты, доблестный Орхан? — раздался в ответ голос Мурада. — Я так и знал, что ты придешь. Это ты хорошо сделал, что пришел, сын алладжа и буддистской козы. Что же ты принес чего-нибудь поесть?

— Нет, я ничего не принес.

— В таком случае, возвращайся и принеси. Здесь старики умирают, а молодые выживают, если им только приносить еду. А я еще молодой, шайтан меня проглотил! Лети же в город, доблестный Орхан, и добудь ему!

— Но я не могу без тебя, Мурад, — жалобно сказал Орхан.

— А я не могу без еды, — возразил Мурад. — Кроме того, не зря же я знал, что сюда вместе со мной принесешь товарищего! чье же это мы хрюх? Нам дают есть, но так мало, что этого еды едва хватило бы даже для ящерицы. Торонися же, доблестный Орхан!

Орхан поклонился в город... Скоро доехал он до королода.

— Куда идешь? — спросили его солдаты.

— В город, — ответил Орхан.

— Иди назад, — сказали солдаты.

— Но мне нужно принести еды, — сказал Орхан.

— Там достаточно еды, — ответили солдаты.

Поворачиваясь, почтенный, откуда пришел?

Они приились толкать его в спину прикладами. Орхан брыснулся в сторону, но в темноте

— И утром бросили в ту же самую яму, в которой сидел Мурад...

наткнулся на колючую проволоку и грубый окрас часовного.

Следом прибежали люди в мешках вместо одеянь, повязали его, связали и стащили в ту же самую яму, в которой сидел Мурад.

— А, это ты, доблестный Орхан! — притетствовал друга Мурад. — Так ты не принес еды, несчастный сын Махммеда и дохлой верблюдицы! Впрочем, я рад, что и ты попал сюда, потому что здесь ты научишься тому, что такое настоящая коммуна!

Но разбитый усталостью Орхан уже спал крепким сном, не слыша речей Мурада.

(Продолжение следует)

ЛОМДЖАРИЯ

ДМИТРИЙ СОЛОМОНОВИЧ

Д. ФУРМАНОВ Иллюстрац. В. ЕФАНОВА

ТРЕБОВАЛОСЬ мне очень немного: отправить из Н. Афона в Москву телеграмму. Просил я в этой телеграмме о малом: о продлении отпуска.

Был вечер, часов пять. Я знал, что тут повсюду—и в Сухуме, и в Батуме прекращают работу рано, часа в 3, начиная с 8—9. Но все-таки пошел: авось! Притом же телеграф такое дело, что тут все возможно. Подошел, торкнулся в дверь—заперто. Сидят, гляжу, старушки:

— Не знаешь, бабушка, где тут телеграф?

— Знаю, говорят, батюшка,—в эту вот дверь надо... Да заперто, поди... Закрыли все...

— Закрыто, бабушка... А где он, телеграф-то, живет—а?

— Заведующий? Вот тут, наверху.

Я по лестнице поднялся наверх. Открыл дверь, покричал хозяина. Молчанье. Я вошла в комнату, позвал еще громче: ни гу-гу. Я прошел комнату, вторую, посмотрел на балконе, все было открыто, а в комнатах никого. Ушел.

— Нету?—спросила старая.

— Нет, бабушка. Как же быть?

— А ты в почту постучи, может он там заперся.

Я обернулся кругом и постучал в дверь.

— Кто там?—окликнули изнутри.

— Я, приезжий.

— Какой приезжий?

— Большой... курортный.

И услышал через дверь неожиданно:

— Вы, курортные, самый надоедливый

народ, вы всегда мешаете.

Я смолчал, ждал у двери. Говорили и подошел, отпер, выглянул черной головой, спросил:

— По какому делу?

— Я извиняюсь,—затараторил я ему... Такое уж дело... телеграмму надо... в Москву...

— А... это пожалти... Это входите...

Он прошел, впереди меня и вдруг подвигнулся стул:

— Садитесь, пожалста. Важный телеграммы?

— Важная...

— Эта очень харашо... Тут я весь день телеграммы посылаю, вон сколько, посмотрите...

Он подтащил мне какую-то книгу записей и показал там столбец отправленных телеграмм.

— А что же вы,—спрашивала,—сами и отправляете?

— Адын... все адын... И почтой за-ведую адын... Телеграф адын... Каирисп-денций адын. И сторых адын—я все адын, больши нет.

— Так что ж, трудно?

— Очень трудно... Весь день тут работай. И сплошь часто здесь, к себе в квартиру не хожу... Очень трудно... Но как я старый спец—17 лет работаю специом—так я все успевай... Другой эта бы не успил, другой давно бы тюрьма сидел. Повышение труда... Я спросил штат... нельзя, говорят... А до меня четыре человека работали. Был четыре, а теперь я адын... вот как...

— Труднено,—согласился я.—А вы сам что ж—абхазец?

— Я? На почте? Абхазец? Нет, на почте абхазец нет...

— Так как же это? Здесь же Абхазия, как это их нет?

— А так и нет. Вот посмотрите всю Абхазию—грузин, и везде грузины, потому что грузин—культурный народ, грузин давно уж вперед ушел, а абхазы нет—они только начинают... Народ молодой, дикой, нет культуры.

— Все грузин?—переспросил я.

— А армяне как?

— Армяне? Армяне больше торговать. Но я скажу вам: хоть сам я и грузин, но все-таки армяне—самый первый народ на Кавказе, самый умный и работает любят. Армянин всегда работает и больше всех работает... А грузин разный; один работает, другой нет; грузины все разные...

— Да, вот о грузинах,—подхватил я его слова,—что ж вот абхазцы и аджарцы—тоже грузинки?

Он снисходительно улыбнулся, как взрослые улыбаются, когда ребенок спросит:

— А что небо, мамочка, из бумаги сделано?

Он перевел дух, промолчал несколько секунд для выдержки и размеренно, строго сказал:

— Я вижу, вы национальный политика slab. А я национальный политика силен человек, я вам скажу—позвольте знать ваш имъ?

Я сказал.

— Позвольте знать ваш занятья? Я сказал, что пишу.

— Очень хороши. Очень хороши. Только плох, что вы писатель, а национальный политика не знает, эта нельзя... Патаму что абхаз сам по себе, а грузин сам по себе... Разный народ... Я язык разный... И род разный... обычай—все разный... Аджарцы—те немного близкой грузину народ, а абхазы—дикий народ, грузины не дикий... Грузины здесь на Кавказе так, как русский народ у себя: первый народ по душе и по культуре... А по уму армянин самый острый... Грузин такой ум добрый и открытый душа, как русский, зато грузин всегда любят русский человек... Вы русский?

— Русский...

— Вот потому я имел до вас особый симпатии... Я сразу вас считал, как товарищ—потому грузин всегда любят русский товарищ...

— Да, уж тут как раз,—подтвердил я ему любимую грузинскую мысль, я сам люблю грузин, хороший народ. Соломончак вовсю просиял и повеселел.

— Но грузин разный, всех любить нельзя...

— Конечно...

— Всех нельзя... потом я вам скажу в Кахетии живут кахетини—грузини, там есть карталинцы, в Карталинии; если имеретини—это около Кутаиси. А во время Кутаиса в сторону есть озургерница—озургер?

— Знаю... За Чаквой, что от Батуци.

— А вот... за Чаквой... Там живут грузины и называются гурьицы... Но Джордания оттуда, профессор Мароттуда. Проф. Мар знает 26 языков, знает оттуда... Оттуда много бальшой народа. Хоть он Джордания ошибся, он не ушибся верно, но он большой народа.

Я сидел и слушал. Я только подпивал или подсказывал, мне посплашут собеседника. Телеграмма ждала перед мною, но что же так уж гордиться, обождет, успеет. А он, Соломончак, по правде сказать, и вонс забыл про свое прихода. Он отдохнул в стороне дела, облокотился на стол и видел было, что готов он еще проговорить с членами, и два, и больше.

— Я тоже гурьец,—собщил он мне это говорю не затем, чтобы хвалился я просто затем, чтобы у нас гурьицы—самый первый народ изо всех грузин... Кахетинцы—эти драются молодцы: когда они сидят в окопах, их никогда не выбьют они молодцы, а у нас—у нас много умных людей. Умный и Джордания, аоказало почти дурак—разве можно быть женщеником? Вы читали статью?

— Какую?—спрашивала.

— А как за границей рабочие мешавши, которые убежали из Грузии они за Советскую власть.

— Я статью эту не читал.

Он живо достал номер «Зари Востока» и прочел мне передовицу, где об этом говорилось. Потом с большим подъемом клонил по газете и сказал:

— Только глупый дурак может сказать, что не надо Советской власти—на партийки?

— Партийный,—говорю.

— А я вот беспартийный, я сплошь я вижу, как забыты со спасением Советской власти. Мне немножко мало жалованья, это верно, я еще 30% нагружу имею и всего это 42 рубля—это мало, я знаю. Потом квартира бесплатная, а у меня семья 5 душ. Но все-таки я знаю, что меня тут ценят и любят, как специалиста. Мы все директоры из Москвы, прямыми путями получаем... Потому что Наркомпочтель у нас один—тот Смирнов. Почта везде одна, и как еще, например, армян или морское дело, телеграф, жел. дорога. Это все одно... У нас кругом все одни общие планы и надо, чтобы был общепринятый план, потому что все работаем. А меньшинства, чтобы в Грузии все было только свое...—Вот и надо было бежать в Париж. Вы знаете? Вы вот хороший человек, я сразу вас понял, потому что вы любите

слушать... вы все сидите и слушаете. А почему? Разве вы меньше моего знаете? Нет, не меньше. Вас там всех научил тому тов. Ленин, он говорил всегда:

— Поменьше говори, а побольше слушай да делай.

Вот он вас там всех чему научил, да нас тоже сюда учили—вот почему любим мы русский народ... Наш гурьицы—тоже хороший народ, а все-таки русский еще выше. Я на хвалил себя, я что. Это верно, то у жены моей брат есть Нарком... Но что же, что Нарком—на что он мне нужен, протекцию что ли? Так мне она не нужна, мне самому лучшую протекцию составит моя собственная голова, а все другое плохо помогает. Вы мне очини хороший человек,—дополнил он неожиданно,—вы меня так хорошо слушаете. Пойдемте на прудок!

— Куда?—не понял я.

— На прудок. Тут прудок у моря... и там Вания Ламшидзе. Мы у него кипиавовки выпьем, а?

— Так, а телеграмму-то?

— Ах, да, телеграмму,—спохватился он.—Это мы сейчас же.

Взял он телеграмму, наклеил ее на бланк, стал подсчитывать слова:

— «Госиздат»—это можно одно слово, потому что адрес: такой слово, если адрес или подпись—за один могу считать, а вот в тексте не могу... вот это, например, не могу:

— Рече... нтг... ни... за... ция... Это не могу—это как его?

— Что?

— Как его просто... по-русски... что-бы два слова?

— Да это никак нельзя,—улыбнулся я,—это одно слово.

— А Госиздат—два?

— Это два.

— А это одно?

— Это одно.

Я обяснил ему, что такое рентген-зация. Ломджария согласился. Скоро он кончил подсчет, получил с меня монеты, и мы пошли на прудок.

У самого моря, там, где воду горного водопада отводят в пруды, есть маленький духаничек Вания Ламшидзе или как-то в этом роде. Под магнолиями и кипарисами стоят небольшие столики—тут пьют вино.

— Вания!—скомандовал Соломонич,— давай нам две бутылки хороший вина. Киниановски и Свириски... Эти хороший человек из Москвы приехал... Мы будем пить товарищи...

— Слушайте, Дмитрий Соломонич,— сказал я ему,—у меня ведь сердце больное и пить мне нельзя—зачем вы две бутылки, я ведь только чуть-чуть...

— Хорошо...

Что значило это хорошо, я узнал лишь потом, он на все сомнения мои отвечал только этим ласковым словом:

— Хорошо!

Он налил по стаканчику.

— За здоровье вашей супруги, которая одна бальной лежит дома,—и отхватали весь стакан.

Я было—половину.

— Ах, это так... это вы так за здоровье любимой супруги!

И он так крепко настал, что вынудил выпить.

Потом—за мое здоровье. Потом за его здоровье. Я дальше упиралася:

— Не могу... сердце...

— А, сердце это пустяки—вы не обращали внимания на сердце и пей вина... Мы, грузины, такой народ, что можем пить

до утра... Вания,—крикнул он,—Вания, поди, расскажи, как надо пить, чтобы не болело сердце.

Вания быстро подошел и рассказал историю о том, как одному больному сердцем врачи воспрещали пить вино.

— Тогда он не пил 10 лет, а потом рассердился и сразу напился пьяный и как напился—сердце стал свасем здоровый...

— Слышиали? Слышиали? — торжествовал Ломджария,—врачи всегда врут, а вы пейте и все пройдет.

Я все-таки упиралася. Тогда он крикнул:

— Коля!.. Коля!..

Я полагал, что это будет какой-нибудь малычуган. Гляжу, подходит из-за деревьев старый грузин, годов 60-ти.

— Это вот Коля... А это—из Москвы, хороший товарищ.

Коля отдал честь, мы пожали друг другу руки, он сел. Пить он не мог—воспрещено. Ломджария не настаивал, зато настоял, чтобы мы выпили за здоровье Коля. Я чокнулся, выпил половину.

— Ах, так ты только половину? Коля, видишь, как он тебе хочет здоровья?

Коля только улыбался и прижал ласково к груди свою правую руку.

Тогда я прямко к Коле:

— Вы, конечно, верите, что я вам добра хочу. Ну, а как, не обидитесь, если я только половину выпила?

— Нет, не обижусь, а все-таки лучше всю.

Я вынужден был допить.

— Больше ни-ни...

— Хорошо,—сказал мой учитель.—Яши!.. Яши!..

Из-за деревьев, словно откуда-то из рога изобилия, вынырнул новый «Яши», словно они у него тут были припасены заранее.

— Яши... Эта товарищ—из Москвы. Он пишет газеты. Пей, Яши, он будет писать, как ты пешься кипиавовски....

Все рассмеялись.

Уж темнело. На поляне футбольисты спешно додирывали последние матчи; из пруда в пруд переплеснулась какая-то огромная рыба; чернели горы; сверкал белизну во мраке монастыря; от воды стало холодно.

— Ну, я домой...

— Хорошо,—согласился, казалось бы, Ломджария.—Еще выпьем?

— Да нет, уж и холодно...

— Вания, бурку.

Через минуту на плечи мне накинули бурку, мне нечем дальше было крыть. Сидел и, чтобы не обидеть, пил. Изделились яростно. Я, вдребезги веселый, часом уж в девять воротился домой. Ломджария так и остался на прудах—знаю, когда воротился. Так-то попал я в когти горному обычью, наислуху выбрался благополучно.

Теперь стану знать, легче вовсе не садиться за стол, чем встать из-за него по своему желанию.

Афон. 24/VII

...Через минуту на плечи мне накинули бурку —
меня нечем было крыть...

Л. КОЛЕСНИКОВ

МЕЧТЫ, МЕЧТЫ,—ГДЕ ВАША СЛАДОСТЬ?

ЕДВА ВНУТРИ нашей партии намечаются признаки каких-либо расхождений, как в белогвардейских газетах, а вслед затем и в остальной буржуазной печати, в 100! раз возвещают гибель Советской власти.

— «Троцкий извонговал красноармейские части и повел их на Москву, правительственные войска бегут в панике».

— «Зиновьев и Каменев брошены в подвалы ВЧК».

— «Сталин бежал на Кавказ, спасаясь от восставшей оппозиции».

— «Дзержинский отравлен, вывидутого, что собирался присоединиться к восставшим».

Шумиха эта вселяет кратковременные надежды в сердца бежавших из России тылулованных и нетылулованных подлецов. В парижских, пражских и иных кабачках поднимаются бокалы в честь того, что «большевики перерезали друг другу горло». К политическим мумиям, в роде «самодержца» Николая Николаевича, являются делегации во взятых на прокат фраках. Миньешвики спешно ссыпаются на случай того, если их «привозят», как некогда, по сказанию, наряживают.

— Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет. Придите и владейте нами!

Через несколько дней оказывается, однако, что, потрясающие телеграммы сочинены тут же на подконникне редакционной комнаты «Нового Времени» или «Руля», единствено с целью спровоцировать выпику на полученные постчные. В Москве никто и не слышал той грозной канонады, которая так избодражила наездованной удачами слух меньшевистско-белогвардейской оравы. Партия по-прежнему смыкает свои ряды вокруг испытанного Ленинского ЦК. Красная ар-

мия неусыпно занимается военной учебой и охраной наших границ. Советский Союз, ни мало не заботясь о воплях белогвардейщины, живет обычной, кипучей, проникнутой могучим устремлением к социализму, жизнью.

НЕ ПОЧИВАТЬ НА ЛАВРАХ...

НАДЕЖДЫ наших врагов, при малейшем соприкосновении с действительностью, рушатся, как карточные домики. Наши враги громоздят столько лжи, что для правды, которая явилась поводом для этого приступа вранья, совершенного не остается места. Действительные разногласия внутри партии остаются, в большинстве случаев, для отступивших и спившихся с кругу колкоперов за семью замками, за семью печатями.

Но случайно ли, что именно при обострении разногласий в партии спрывают свой праздник клеветы «калыши на час», выброшенные на чужеземный берег волной революции?

Нет, это не случайно...

Если бы партия позволила расшатать единство своих рядов и довести дело до подлинного раскола — лигование наших граев было бы не напрасным. Между тем, разногласия в партии крепко накрепко связаны с вопросом об единстве партии.

Поддерживать единство партии — вовсе не такое легкое дело.

При последних голосованиях по вопросам, которые являлись предметом споров на пленуме ЦК и ЦКК, огромное большинство партии поддержало ЦК. 99 человек из 100 открыто осудили поведение оппозиции, которая дошла до нелегальных сходок в лесу. Такой результат может вызвать совершенно преиспережительное отношение к оппозиции: что, дескать, может совершить эта крохотная горсточка, осужденная всей партией?

Высокомерие — наименее скверная вещь в политике. Каждую отважность нужно тщательно извещивать со всех сторон, но переоценяя, конечно, ее.

При всем примере военной практики.

На такую-то mestность наступает неприятель. Командование, полагаясь на то, что перед тем атаки врага были отбиты, не шло подкрепление занимавшему позиции отряду. Но, оказалось, что силы наступающих превысили силы защитников, и mestность была занята врагом.

Что тут явилось вновь? Недостаточная бдительность, пренебрежительное отношение к силам неприятеля.

Но — допустим, что наступление врага вызвало переполох. Командование сняло с другого участка значительные силы, вы移到 оттуда резерв, между тем, как атаку сумели отбить сами защитники. Обнаженный, вследствие паники, участок фронта подвергся настичке и оказался прорваным. Тут причиной неудачи является паника, переоценка сил врага.

В борьбе политической, да еще в борьбе с течением внутри партии, нет полного сходства с борьбой военной.

Но основное правило стратегии — не упускать из виду опасности, но и не дрожать передней — остается и здесь в силе. Не почивать на лаврах, а нестандарт работать над укреплением рядов ленинцев!

К ЧЕМУ ВЕДЕТ НАРУШЕНИЕ ЕДИНСТВА

ИЗВЕСТНО, что В. И. Ленин являлся самым непримиримым сторонником единства в рядах партии. В своей знаменитой книге «Что делать?», которая в 1902 году определила всю работу партии вплоть до победы революции, он со всей силой обрушивается на сторонников «свободы мнений» внутри партии. Он сравнивает людей, возмущенных тем, что партия запрещает проповедь осужденных ею взглядов, с людьми, зовущими в болото. Такие люди, — говорит Ленин, — могут свободно отправляться в болото, но пусть они не цепляются за нас, не мешают нам. Партия рабочего класса должна быть единой. Нельзя допускать такого положения вещей, когда решение партии может бытьрастоптано на капризы любого из членов партии. Люди соединяются в партию для того, чтобы бороться сообща, вместе, под единным знаменем, а не тянуть в разные стороны.

«Лебедь рвется в облака, рак пятится назад, А щука тянет в воду».

ПАРТИИ!

Когда тов. Шляпников, будучи членом ЦК, выступил, помимо ЦК, с критикой партийной политики, Ленин создал особое заседание ЦК, на котором требовал исключения тов. Шляпникова из партии. На Хи-с'езде он внес специальную резолюцию об единстве партии, которая со всей решимостью была направлена против всяких попыток разжигать партию, расшатывать ее единство.

Почему единство партии вызывало такую заботу у тов. Ленина?

Мы коснемся тех условий, которые налицо сейчас, когда партия стоит у власти. Не нужно забывать, что до той поры, пока большевики совершенно не спорили с меньшевиками, Ленин был застrelщиком борьбы против меньшевистской части партии. По сути дела эта борьба также была борьбой за единство, за очищение партии пролетариата от шатаний, заражавших соглашательством, элементов, за созданную такой партии, которая была сплочена, дисциплинирована и една каждая клеточка своего организма. Но для нас важно выяснить сегодняшние опасности, которые вытекают из нарушения единства партии.

У нас диктатура пролетариата. Рабочий класс в лице своей партии руководит страной, привлекая в качестве союзника крестьянство. Задача диктатуры пролетариата состоит в том, чтобы обеспечить построение в нашей стране социалистического хозяйства, социалистического общества. Крестьянство может колебаться на этом пути. Своя хата, своя соха, своя скотина—грузом виснут на сознании крестьянства. Он может мечтать не о социализме—улта едет, когда-то будет,—а о благостоянии в условиях нынешней деревни. Нужно руководить серединкой для того, чтобы куполы не сбили его с панталыку, не заманили в ловушку мелкого стяжательства, оторванного от рабочего сообщества, в кооперации, в машинальных товариществах, в советах. Рабочий класс не может уступить первенства крестьянству в деле политического руководства. Но полны крах грозил бы нам, если бы крестьянство оказалось по ту сторону баррикад. Нужно ладить с крестьянством, блести его интересы, не выпускать из рук. Вот в чем задача задач.

Но наша страна обладает чрезвычайным своеобразием и несторотой. В. И. Ленин насчитал целых пять хозяйственных укладов, которые уживаются бок о бок друг с другом, правда, в непрерывной борьбе между собой. Нет сомнения, что социальные группы, интересы которых так или иначе урезываются пролетариатом, ищут себе рупора. Более того, интересы социалистического строительства в целом не позволяют иногда полностью удовлетворить нужды отдельных групп рабочего класса. Мы для этого еще слишком бедны. И настроения этих групп также ищут себе выхода.

Партия испытывает на себе давление таких настроений и скрежетаний. Наименее устойчивые коммунисты попадают в плен. Часто мелкобуржуазное настроение облекается в такую позолоту революционной фразы, так прихорашивается, что кажется неопытному глазу

архи-пролетарским. Так, например, в партии существовало течение, именуемое «рабочей оппозицией». Куда оно выросло? В письме к бакинским рабочим Медведев, один из вождей этой оппозиции, доказался до того, что требовал сдачи в концессию иностранным капиталистам всей промышленности, разгона Коминтерна и сближения с «честными» заграницей меньшевиками. А ведь «рабочая оппозиция» ридилась в самые революционные фразы.

Уклон в партии, если позволить ему организационно оформиться, легко превратится в «государство в государстве». Тов. Зиновьев тогда, когда он еще не покидал позиций ленинизма, указывал, что фракция в партии означает правительство в зародыше. В самом деле, что такое фракция? Это группа людей, не согласных с линией партии, связанных между собой общей платформой, противостоящей дисциплине партийной. По существу это неформировавшаяся, но ужеющая к этому, другая партия.

А можем ли мы допустить существование двух партий? Я, Осовский, исключенный из партии, считал возможным в будущем подобную вещь.

Существование двух партий обозначало бы раскол рабочего класса, ожесточенную борьбу за власть и, стало быть, поставило бы на время крест на прочности Советской власти.

О ДВУХ ПАРТИЯХ

МЫ УЖЕ говорили, что ваша партия стоит у власти, осуществляя диктатуру пролетариата. Можно ли разделить диктатуру на-две? Можно ли диктатуру сделать предметом конкуренции двух партий?

Само понятие диктатуры разрешает этот вопрос. Диктатура есть нераздельная и неограниченная власть класса. Не всегда диктатура принадлежит рабочему классу, далеко не всегда. В Италии диктатура является Муссолини, приказчик капитала. В Польше диктатура принадлежит шайке Пильсудского, который является прозрачным псевдонимом польской крупной буржуазии и английского капитала. В Англии правительство консерваторов откровенно осуществляет диктатуру того же капитала. Парламент, депутаты, голосования должны лишь подсматривать горькую пилюлю беззурбной власти капиталистов. Буржуазия подчас имеет несколько борющихся между собой партии, но это, по сути дела, отростки от одного и того же ствола.

Буржуазные партии являются только приказчиками единого хозяина, капитала, который командует ими, как найдет удобным. Остальные классы не допускаются к власти и на пущенный выстрел. Может смутить то, что часть социалистов (!!) также пристраиваются к правительству-никулю. Но, ведь, социалисты это же агентура капитала, только привязаны защитный флаг для успешности работы среди пролетариата. Волевые или невольные эти сокрушения социалистов—вопрос, требующий особого разбирательства, но дело от этого не меняется.

Представим себе диктатуру пролетариата при наличии двух партий. Может быть несколько политических комбинаций. Первая — к власти приобщены обе партии. Но во что же превратится диктатура? В союз разных групп, в соглашение их не на основе руководства со стороны рабочего класса, а на основе отступления рабочего класса. Другая комбинация — у власти попрежнему одна партия. Но тогда другой нужно присоединиться к меньшевикам и эсерам и вести вместе с ними борьбу против диктатуры пролетариата.

Нарушение партийного единства, создающее опасность вызывания новой партии, по сути дела ведет к подрыву диктатуры пролетариата. Мы, конечно, не пойдем на поводу у Осовских. Партия у рабочего класса имеется, а партия рабочих рабочего класса мы насыждали не станем.

Советская демократия — это демократия для широких масс рабочих и крестьян. Для поддигателей советского дома, для фокусников, которые захотят обмороить массу новой «партией» — так же, как и для меньшевиков и эсеров, найдутся места в покойных и безопасных учреждениях.

КОМСОМОЛ ЗА ПАРТИЮ!

НОВАЯ оппозиция, побитая на XIV съезде, пыталась нанести партии поражение через создание фракций, через подпольную работу в рядах партии. Всякий, кто предан диктатуре пролетариата, кто не собирается кинуться в обятия меньшевиков, должен понять, что такая политика является предательством в отношении партии.

Когда встает вопрос об отпоре посагательствам на ленинское единство—комсомол должен присоединить свой голос к ленинцам.

Партия, оставаясь единственной, должна быть и единой.

ЖНИТЕ, ЖНИТЕ, ЖНЕЮШКИ...

Р. АКУЛЬШИН, снимки Н. ПЕТРОВА и Ф. ЗУБКОВА

НА ЛЕТО горожанин едет в деревню— отдыхать. Для горожанина деревня—дача; он наслаждается чистым воздухом, завидует крестьянину, живущему всегда «на лоне природы»; деревенскую жизнь, даже проживая в деревне, представляет себе такой, как она изображается на раскрашенных открытках: лужок, речка, коровки, мужички в лаптях, ребятишки без портук.

Дачник отдыхает в деревне, развлекаясь от скучи беседами с мужичками у завалинок.

Но тому, кто не только скользит своим любующимся взором по деревенскому пейзажу, а смотрит поглубже, кто не откажется покинуть в котле крестьянской жизни, всегда зависимой от стихий, природы,—отдыхать в деревне нельзя.

Нельзя отдыхать, когда жаждущие поля изнывают от безводья, когда крестьяне ходят как потерянные и с тоской смотрят на небо; не покажется ли темное облачко, не загремит ли желанный гром.

Горожане, кушающие крестьянский хлеб, не чувствуют в нем привкусов му-

В ВЕРХУ: ЧИНЯТ ОВИН, скоро сущину хлеб придется
ВНИЗУ: КОНЕЦ СТРАДЫ дождя последнюю полосу

жной травоги, радости и горя. Горожанину дождь—часто помеха. А подумайте о крестьянине. Солнце печет. Два-три дня посевы могут пропасть, а дальше конец всем надеждам, всем хозяйственным планам.

Но вот дождь. Хороший, долгожданный. Крестьяне спасены. (Горожане редко задумываются над тем, что раз спасен, урожай—спасены не только крестьяне, но и они, горожане).

Радовало или печалило минувшее лето крестьян? Велика небесная ширь над страной Советов... Не одинаково щедра и небесная «тверь» спасительной влагой.

Житница прежней России, Поволжье, страдавшая последние годы от скупости неба, в этот год захлебнулась от чрезмерных дождей.

К концу августа в Самарской и Саратовской губерниях из-за дождей еще не была закончена уборка пшеницы. Большой урон понесли крестьяне в том же районе от града... Не обошлось и без саранчи... Немало пострадали центральные губернии, наоборот, от засухи. На севере России хлеб совсем не зелен и во многих местах скочен на сено.

Но так или иначе, урожай этого года лучше прошлогоднего.

* * *

ВОЗДАДИМ должное поэзии, перенесенное мысленно на поля пшеницы и рожи, припомним, вернувшись в города, припомним за рабочими станками наши летние отпуска, сполы и скирды, вечерние костры, пахнущие полевою кашией, ужинами возле балаганов. Готовят ли хоть в одном московском ресторане такие вкусные блюда, какие доводилось нам кушать после вязанья неподъемных спилов? Не из одной столичной кухни не испаряются такие ароматы, какие далеко по вечерней заре, по живью, развеиваются степной ветрок. Еще за ужином слипаются глаза стариков и как смешно услышать о бессонице там, где сон крепок, будто старое вино, и сладок, будто в зной вода родниковая... Но есть в жизни кое-что послнце сна и меда. Не молодежи

рассказывать о том. Только вспоминать охота о песнях в ночной тишине... Не пропнутся отцы и матери, не расскажут звезды о тайнах в тени скирдов!

Давайте вспомним о песнях, вспомним, а не сочиним отсебятыни, давайте и будем обманивать друг друга... Отсебятиной никого не проведешь... Сочинить можно, да какой толк? Всякий скажет: «мот и врешь, не поют такие песни в поле, нечего пылью глаза порошить». И я, и вы—все мы побывали в деревне; знаем мы о деревенских певцах и певицах. Разве не о гармонисте поют девицы, выплясываясь вгородке, разве не про лес речку и кукушку вспоминают, собираясь по лесу ягоды... На все случаи жизни припасены песни, а нет, так расшибут пышно и ярко в ту же деревню, в лесу, на тяжелых спинах...

Зазвенел один голос:

«Коля, Коля, пойдем в поле,
Поглядим, какая рожь.
Если красная солома,
В Красну армию пойдешь...»

Отклинулся другой:

«Жните, жните, жнеушки,
Молодые девушки,
Собирайте с поля рожь—
Придет ночью молодежь...»

Придет молодежь, сойдется со многими загонами и... думаете, не затренькает балалайка? Затренькает вместе с кузнецами, не смолкающими днем и ночью. Кузнеци не работают—что им тренировать, а парням и девицам рано вставать...

На улице до улья не страшно.
В поле часок попей — и то хорошо.

Жала в полюшке овес,
Мил разлучницу провез.
Мил не белого лица;
Разлучница-красавица...

* *

СОЛНЦЕ, не прячься за тучи... Пусть жарко, но ведро лучше не настать... Пройдет неделя—другая, подстригут серпами, косами и косилками тучные злаки, заскрипят по дорогам на гумни и с гумен на загоны колес широкие рыжанов... Как звонко таракхти пустые! О, сколько их по всем дорогам друг за другом бежит за снопами, уложеннымми в скирды и кресты... Дорожная пыль седьм газом заволакивает зелену выгона, желтые, осиротелые живьи.

Вот и встречные, полные, медлительные. Разве вы не ездили на таких высоких возах, разве не помните, как вас приятно учачивали? Приклониши голову, а сон тут как тут. И синяя, будто лодка на море качается. Откроешь глаза—ах, это не синий океан, а душистое хлебное судно блажает ласково...

Хорошо и песню попеть.

Мой покойный отец сердился на сонливых людей:

— Сонный человек лошади под силу... Сонный всегда тяжельше... А песню запой— и лошадь пойдет веселее.

«Не мянкина, не овес—
Парень девушку увез,
Сел на дрожжи,
свесил но жжи,—
Пыль всклуби-
лась от колес.

— А у нас омет выше колокольни...

Я любила зажинать
Узеньки полосики.
Я любила примечать
Русеньки волосики.
В нашем поле—толь не горе—
Вся-то рожь примятая.
В том не лошади виновны,
А любовь проклятая.

* *

АРАБОТА на гумнах! Кто в детстве не любил эту пору больше всего на свете. Стоял гумнами башнями ометы сплюнов. На одном гумне, на другом, на третьем—у всех, у всех вдоль всего села, словно город диковинный, по крестьянскому холмению в неделю возвыбогнут. Хвалиются малые ребята друг перед другом:

— У нас омет выше дерева!

На жниве

«БУДУТ У НАС ОБНОВКИ». — отбивное зерно
сыпают в мешки

— А у нас выше колокольни!

Блестит черный ток, словно лаком по-мазан, только редко его блеск открытым бывает. Нет молотьбы. Соломой затрусят, чтобы от солнца не трескался. Смолотят один круг, другой насаживают. Заберется парень на вершину ометы, поддевает вилами снопы, на ток бросает. Шлепнется грузный—вылетают искорками зернышки из колосьев. Уложат снопы на ток, малым ребятам связля серпом разрезать. А потом кружение лошадей по снопам начинается.

В середине хозяин; от каждой лошади поводья в руках у него; одна за другой бегут лошади, а хозяин покрикивает: «Эх, соколики!». Переменят сверху, ворочать нужно. Отдыхают лошади в холодке, а мужики и бабы граблями работают, переворачивают. Еще покружатся лошади тогда и солому можно снимать. Вот когда ребяташик праздник. Снимут пахучую солому, в куку сдвигнут—найти, ребят, зарывайся, ищи друг друга. Лезут соломинки в нос и в рот—чихать не расшибешься, к потному телу пыль пристает, а хорошо. Схватят один другого за ногу: «Попалась рыбка». Вынырнут из соломы—на головах копны соломенных...

За день—два-три круга обмолотят, вечером веять надо. Заастучит веялка. Иная

так-то складно выступивает—плясьать охота: тра-та-та-та-та-та. Да уж тут не до пляски: всем работы по горло. Один ручку вертит, другой из вороха в веялку насыпает. Хуже всего мякину от веялки отводнить—лезет колючая пыль в нос и в рот. Сбоку азатки текут: кусочки земли, сбитые с току копытами, колосья непромолченные. А из-под кузова по насклонному ситу зерно льется. Пропустят ворот в первую руку—не совсем чистое зерно, пропустят еще раз на чистых ситах—как золотые кружинки зернышки: чистые да ровные. Насыпают зерно мешками, в торпица на телеге отвозят в амбары. А на стенке амбара зарубку делают: «Ничай тридцать пять пудов, вчера сорок один»... Кончики молотьбы, сложив вместе все зарубки, узнают, сколько хлеба уродились, какие обновки можно справлять, какой инвентарь покупать, ремонтировать.

* *

ИТУТ БЕЗ оговорки нельзя. Велика наша Республика. Не исчерпывает моя картина всех российских приемов и способов уборки хлеба—косьбы, жниства, молотьбы. В одном месте на небольшой загончик цель дни затрачивают—развьско «емаленский горбатенький» все поле обекает. Косой скорее работать, да не всегда споручина коса. Если урожай «не в проворот, косой только уродовать себя... Разльбознойдело—косилка, три—четыре крестьянских десятины в день сбирает.

До войны в наших краях «лобгейжки» и «самоскодки» распространены пользовались все больше иностранных фирм: «Эйсерт», «Мак-Кормик», «Диринг». И теперь на них работают, каждый год основательно ремонтируют.

Настанет время, окрепнет Республика, своими машинами сожнем, свезем, обмолотим.

Нужно ли говорить о молотьбе? Национальный способ молотьбы—чесноком. Всем поэтам обязательно нужно сажими помолотить, и со стороны на молотьбу посмотреть, посмотреть и вслушаться в ритмы ударов по снопам. Молотить в один и в два цепа скучно и трудно, в три уже легче, в четыре, в пять и в шесть—тем более,

Молотят и деревянным валиком с вбитыми в него четырехгранными железными полосами, молотят камнем с острыми гранями; у кого несколько лошадей, молотят лошадьми. Молотилки у крестьянина, конечно,—редкость. И веют по-разному. Самый примитивный способ при легком ветерке подбрасывать обмолоченное на лопате сверху. Тяжелое зерно падает прямо, мякину относит в сторону. Но так делают, у кого мало посева; с большим посевом без веялки не обойтись.

НО ВОТ ЕСЕ проявлено и ссыпано в амбар. Много ссыпано—радость для хозяина, мало ссыпано—страх с осени:хватят ли до весны. Ведь у большинства

МОЛОТИТЬ МОЖНО НЕ ТОЛЬКО ЦЕПОМ:
вот здесь, например, вышелупывают из колоса зерно
ударами валька

наших крестьян статья дохода одна: хлеб. А расходных статей? Я перечислю их, не ручаясь за полноту: крупа, картофель, сено, скот, мясо, сало, постное масло, коровье масло, рыба, соль, сахар, чай, водка, табак, дрова, керосин, спички, мыло, посуда, книги, газеты, одежда, обувь, ткани, строительные материалы, гвозди, плуги, борони, телеги, сани, колеса, дровни, калки, бочки, косы, серпы, бруски, лопаты, навозные вилы, застулы, сбруя, упряжка, веялка, молотилка, дозаторы инструменты...

Есть тут такие статьи, которые всю жизнь хозяину не по карману, как, например, молотилка; есть такие, которые отнимают средства один раз в несколько лет, как веялка, телега, сани и др. Но большинство статей неизбежны в каждом году; есть надо, одеваться, обуваться надо. Много этих «надо» тревожит крестьянина. С весны—только мечты, только пожелания. «Цыплят по осени считают»—осенью же

утверждает свой бюджет крестьянин. Реша весны, а тут засуха, град, саранча—ломнут все планы, уж лучше обождать. Да и хлеб обмолотить, так не вдруг появятся деньги. Не вести же небольшие излишки на базар, если хлеб не в цене. Надо подождать, надо выдержать эту полосу хлебной дешевки. Уж только крайняя нужда выгонит хозяина в такое для хлеба брезвемье. Износились штаны, рубахи, юбки, а если молодые девицы да парни в семье—еще больше заботы. Девицы нужны сменные платья, парни—выходной костюм. Уж я не говорю о свадьбах. Недельное спасение веселье заставляет иногда щелкать зубами круглый год.

Несчастье и беда русского крестьянина—что он не ведет никакого учета своих приходов и расходов, учета всех для себя возможностей. Просчеты в плодохом крестьянском хозяйстве—обычная вещь. Иногда природа подводит: весна этого года, затянувшаяся на целый месяц, заставила во многих местах голодать скот, потому что кормовые запасы были рассчитаны на более короткую зиму.

После войны, разрухи и голода, значительно сокративших наличие лошадей

в Республике, теперь усилия большинства крестьян направлены к тому, чтобы как-нибудь ценой лишений в других статтях обзаводиться рабочим скотом, потому что без скота крестьянину в деревне ничего делать.

К середине осени, к Покрову, приурочены многие ярмарки. Поднимаются обычно цены на хлеб к тому времени... Длинные хвости очередей вытягиваются у ссыпных пунктов. На опростанной телеге, с полным карманом весело подъезжают к палаткам с товарами. Заветное желание крестьянина: подороже продать, подешевле купить.

Иногда случается наоборот: дешево крестьянин продаёт, дорого покупает. В таком случае не распоется, нерасплещешься, хоть и наступает свадебная пора, хоть трудно удержаться от соблазнов. Хочет послушать песен, поезжайте осенью в деревню, увидите свадьбы, престольные праздники, услышите много песен прятыхих, величальных, грустных, веселых. Хорошая память — так запомните; на память не надейтесь, карандаш, с бумагой захватите, чтобы на досуге набросать:

«Завивались мои кудри
С осени до осени.
Как почуяли разлуку,
Завиваться бросили.
На зеленом на лугу
Стоит чашка творогу.
Прилетели две тетери,
Поклевали, улетели.
Песенки—побасенки,
Болит сердце по Васеньке,
А по Коле болит грудь,—
Подживет когда-нибудь».

С хлебом и сеном в городе.

Звонкие цепы принесли за работу

ЦВЕТЫ И НАСЕКОМЫЕ

Н. ПЛАВИЛЬЩИКОВЪ,
снимки З. ЧЕБОГАЕВА

це). В завязи помещаются женские половые клетки (семеночки). Тычинка—обычно пять, на конце которой в особых вместилищах (пыльниках) развиваются мужские половые клетки (пыльца, цветень). Для образования плода необходимо оплодотворение, т.е. пыльца должна попасть в завязь (через рыльце) встретиться и слиться с женскими клетками.

У большинства растений в цветах имеются и тычинки и пестики, т.е. цветки двупольные. Казалось бы, что тут трудного: созреет пыльца, высывается из пыльника, попадет на рыльце—дело сделано. Однако, дело это не так

просто. Оказывается, что опыляться своей же пыльцой не очень уж выгодно—потомство получается не совсем здоровое и сильное, а если такое «самопыление» провести через ряд поколений—начинается вырождение. Выгоднее

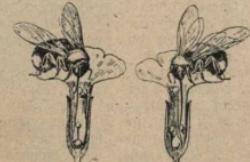
«перекрестное» опыление, т.е. на пестике данного растения должна попасть пыльца с другого растения (того же вида, понятно).

Как это достигается?

Здесь нужно разрешение двух задач: 1) своя пыльца не должна попасть на свой пестик и 2) на пестик должна попасть пыльца с другого цветка.

Нигде, пожалуй, не проявляется с такой резкостью результат борьбы за существование и вытесняющего ее естественного отбора (учение Дарвина), как на цветах, приспособленных к опылению насекомыми. Ибо здесь не только цветок «приспособляется», но и приспособляются и те, кто переносит пыльцу. А переносят ее насекомые.

Кто из вас не видал шмелей и пчел, собирающих «мед». Кто не видал на цветах бабочек, мух, жуков? Насекомое летит на цветы, то в поисках за сладким соком, то пыльцы (едят ее), лепятся с цветка на цветок. Вот та сила, которая производит перекрестное опыление.

ЯВЛЕНИЕ ГЕТЕРОСТИЛИИ на цветке первоцвета. Пример приспособления цветка к перекрестному опылению посредством насекомых

Цветок ярко окрашенный или сильно пахнущий привлекает насекомых. Яркие лепестки, сильный запах—выбеска, глянцевая «здесь есть сладкий сок». Природа экономна—редко большой красивый цветок сильно пахнет. Редеза сильно пахнет, а цветы ее—они и на цветы-то мало похожи. У ромашки большой «цветок», а запаха нет. Мелкие цветы часто соединяются в соцветия—группы; большие «зонтики» цветов марковки, укропа, аниса, соцветия подсолнуха, ромашки (каждый лепесток — цветок) — сотни маленьких цветочков собраны вместе. Далеко в глубине цветка, на дне его венчик, спрятаны железки, выделяющие сладкий сок (нектар). Добраться до него можно, но... по дороге обязательно встретишься с пестиками и тычинками.

И вот здесь-то и скрывается самое удивительное, скрывающееся то, что показвают нам—насколько всемогущ отбор, насколько оригинальные приспособления могут вырабатываться в результате борьбы за существование, борьбы за место на земле.

Рано весной в лесах расцветают «баранчики» (первоцвет весенний)—небольшие собранные в кисточку, бледно-желтые цветы на длинном стебельке; этот стебелек довольно приятный на вкус, почти все мы жевали его в детстве да и сейчас не прочьожевать при случае. Цветок этих баранчиков—пример приспособления к опылению насекомыми.

Как видно из рисунка, венчик цветка вытянут в длинную трубочку (на дне ее—сладкий сок). Чтобы добраться до сока, шмель должен просунуть свой хоботок между тычинками и пестиком цветка. У одного цветка тычинки длинные, пестик короткий, у другого—наоборот. Прилетел шмель на цветок с короткими тычинками, запустил в него хоботок, хоботок определенной своей частью задел за пыльники, к нему пристанет пыльца; теперь этот шмель попадет на цветок с коротким пестиком, но хоботок, как раз на уровне рыльца пестика, есть пыльца—она прилипнет к рыльцу. То же произойдет и с длинными тычинками и пестиками. Своя пыльца на пестик попадет никак не может, именно из-за этой разницы

ЕСТЬ ТАКАЯ задача-шутка. Дано: трехмачтовый корабль, вместимость 700 тонн, экипаж 60 человек, направление Кронштадт — Вальпараисо. Требуется определить возраст капитана. Решить эту «задачу», конечно, никак нельзя.

А вот такую задачу, хоть приблизительно, можно решить или нет? Дано: клевером на семена засеяно 10 десятин; в ближайших деревнях нет ни одной кошки. Требуется узнать: сколько пудов семян клевера соберут с десятины? Вы протестуете. Не задача, а вздор. Нет, эту задачу решить можно, правда, только приблизительно. Ответ—семян клевера будет собрано очень мало, вряд ли больше, чем было посеяно.

Как решается эта задача? Думаю, что если вы внимательно прочитаете эту статью до конца, вы поймете и сумеете решить ее сами.

А вот и еще: ваниль (черноватые, мягкие, душистые палочки) вы, вероятно, знаете. Ваниль—плод одной из тропических орхидей. Ваниль ведется большая торговля, ее разводят на плантациях (в тропиках). Был с этой ванилью такой случай: устроили плантацию на острове Яве (а родина ванилии Мексика). Ванильные орхидиумы разрослись, зацвели, отцвели, а плодов не дали. Год, другой, третий—так же история. Цветут хорошо, плодов нет: все «пустоцвет». А знаете, в чём тут секрет-то?..

— Ближе к делу,—перебиваете вы.

Хорошо, согласен. Цветы—что это такое? Органы размножения семенных растений (т.е. растений, размножающихся семенами); грибы, папоротники размножаются спорами, у них цветов нет). Половыми органами здесь являются плодник (женский орган) и тычинки (мужской). Пестики разнообразны по виду, но всегда у них есть утолщённая нижняя часть (завязь) и так или иначе расширенная и клейкая—верхняя (рыльце).

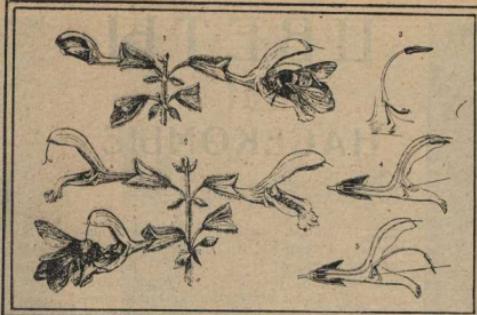
в длине тычинок и пестика. (Это явление—разной длины пестика в тычинки в разных цветках—называется в науке гетеростигмия).

У многих растений пыльца и семечки созревают в разное время, т.е. когда в одном цветке созрели семечки—пыльца еще не зрелая, в другом—зрелая пыльца и незрелые семечки. Самоопыление невозможно, а насекомые, летая с цветка на цветок, перенесут пыльцу.

Замечательные приспособления мы имеем у шалфея (его отваром в воде полощут рот при флюсе). Общий вид цветка (профиль) виден на рисунке. Тычинки и пестик созревают в разное время. Когда шмель попадает на цветок со зрелой тычинкой, она, подвигаясь на манер рычага, наклоняется и ударяет его по спине, осыпая пыльцой. У цветка с созревшим пестиком—он торчит далеко впереди—шмель задевает выпачканный в пыльце спиной за рыльце пестика.

Но самые замечательные приспособления к опылению насекомыми мы имеем у орхидей—обладательниц самых красивых и причудливых по форме цветов на земле. Родина орхидей—тропики, влажные леса Америки, Индии, Малайского архипелага. И у нас есть орхидеи; знаете белую любку, «белую фиалку», затем ятрышник или кукушкины слезки («лиловая фиалка»)—вот наши невзрачные, хотя и сильно пахнущие, родственницы орхидей тропиков. Цветы орхидей приспособлены к опылению преимущественно бабочками и, притом, нередко—определяемыми для каждого вида орхидей бабочек. Сладкий сок у них спрятан глубоко под два длинного и узкого «шпорца», а перед входом в него—два комочка пыльцы (здесь пыльца образует два комка, т.н. полинии) на особой подставке; прямо под этой подставкой—две рыльца пестиков. Бабочка, прилетев на цветок, задевает головой за полинии; они прилипают к ее голове, точно два рога. Рога эти почти сейчас же опускаются книзу и, когда бабочка сидит на следующий цветок, приходятся как раз против рылец. Часть пыльцы с этих рогов—полинии попадает на рыльце. Летая с цветком на цветок, бабочка может их оплодотворить пыльцой этой пары полинии. А случается—на голове бабочки, на хоботке ее, чуть не десяток таких рогов набирается. Засуньте летом кончик карандаша в цветок любки и вы увидите на карандаше эти самые полинии.

У разных видов орхидей разной длины (глубокий) шпорцы, а потому их и посещают те бабочки, хоботок которых достаточно длинен, чтоб достать до дна шпорца. Здесь даже «предсказывать» можно: Дарвин, много изучавший орхидей, нашел у одной из них очень глубокий шпорец (около 20 сант.), заявил, что должна быть бабочка с такой же длиной хоботком: никто тогда не знал бабочек с таким длинным хоботком, и многие просто смеялись над предсказанием

ВВЕРХУ—**ОПЫЛЕНИЕ ШАЛФЕЯ.** 1—часть соцветия. В прямой щечке обнажается шмель, на спину которого спускается длинный конец рычага—коромысло тычинки, осыпая насекомое пыльцой. 2—другая часть того же соцветия: в левый щечек влезает шмель, осыпанный ранее цветковой пыльцой и намазывающий ее свисающим рыльце второго, более зрелого цветка. Рисунки 3, 4 и 5 представляют схему действия механизма рычага тычинок: как только шмель коснется части, указанной стрелкой, рябча опускается.

ВНИЗУ—**ШМЕЛЬ И ПЧЕЛА. СОБИРАТЕЛИ МЕДА**, которые в поисках за медовым нектаром цветов производят их перекрестное опыление

Дарвина. И что же? Прошло несколько лет и в Ю.-Бразилии (родина этой орхидеи) были открыты бабочки с хоботком в 20 сант. длины.

Вернемся к ванили. Понятно, почему на Яве она не дала плодов. Там не оказалось тех бабочек, которые опыляют ее цветы. Что ж? Пыльцу стали переносить кисточкой люди, дело пошло на лад, и теперь на Яве ванили растут больше, чем на ее родине.

И цветы и насекомые взаимно приспособились друг к другу. У одного цветка, например, лепестки венчика так плотно скжаты, что раздвинуть их может только грузкий шмель, ударившись с «разбегу» о цветок, у другого—лепестки так расположены, что бабочка не может сесть на таковой цветок—ей некуда девать свои большие крылья. И окраска цветка—результат приспособления. Пчелы, например, охотно садятся на розовые, синие и фиолетовые цветы, менее охотно—на белые и желтые, совсем не садятся на киноварно-красные; а бабочки как раз предпочитают последние. Цветы, опыляемые ночными насекомыми, сильно пахнут и окрашены в белый цвет; днем они часто свертывают свои лепестки.

Мало всего этого. Цветам угрожают... воры. Муравей с'ест сладкий сок, но не перенесет пыльцы—он маленький, пропадает в соку, не задев за тычинки, а то и скопку венчика прогрызет дырку. А цветок без сладкого сока пропадает—на него не сядет надолго бабочка или шмель: подлетит—и назад. Нет шмеля или бабочки—нет опыления. И вот у многих цветков вырабатывается защита от «воров»:

стебли клейкие или в мелких шипах—мурравью не добратся до цветка по такому стеблю.

Но правда ли, как все это остроумно? Посмотрим и подумаешь, а, ведь, и человек вряд лимел бы лучше сделать. А кто сделал здесь? никто. Ни цветы не думали, не старались привлечь насекомых скоком и заставить их деревенести пыльцу, ни насекомые не думали об этом. Все эти приспособления—результат борьбы за жизнь, за еду. Только тот выживает, кто дает большее потомство (этот—не особа, а вид, порода; индивидуум здесь только условно ценен), а дает большое потомство у растений—для этого нужно перекрестное опыление в первую очередь. И вот из мелких указаний постепенно, в течении тысяч поколений, создалось то, что вы видите. Ничтожные пчелы, пустяковая разница в длине тычинок и пестиков у «баранчиков»—уже лишний шаг на победу.

Из победивших (временно, в природе все временно) еще раз победят те, у кого разница в длине будет еще больше, и так—до конца.

Насекомые? Им нужен только сладкий сок. Перенос пыльцы—явление, связанное с посещением цветка, но совсем не зависящее от желания или желания насекомого. Насекомых много, всем нехватает сладкого сока с цветком с неглупым венчиком. Те насекомые, у которых хоботки подлиннее, могут достать сок из глубоких венчиков. Они—съты, они—временные победители.

Никто не страдал, не думал, не хотел. Суровая школа жизни выработала все эти приспособления, все они—результат борьбы за жизнь, результат слепой механической силы отбора.

Ну, а наша задача о клевере? Я знаю, что и сейчас еще смущает вас в ней,—прежде всего, почему здесь кошки. Вот при чем: клевер опыляется шмелями. Нет шмеля—нет семян (такая история случилась в Австралии); стали сеять клевер, а семян нет. Пришлась туда шмель из Европы ввозить—своих не оказалось. Шмелины гнезда очень сильно уничтожают полевые мыши. А кто ловит мышей? Кошки. Нет кошек в деревнях—много мышей на поля, мало шмелей, плохое опыление клевера. Мало или совсем нет семян.

Видите, какие неожиданные связи между явлениями в природе бывают. Надо залог, что общего: клевер и кошка?

В СЛЕДУЮЩЕМ № «СМЕНЫ»

БУДЕТ ПОМЕЩЕН ОЧЕРК

О ЛОВЛЕ ЖЕМЧУГА

ВОСКРЕСАЮЩИЙ КРАЙ

Фото-корреспондентка П. КОМАРОВА

ИЗЫСКАНИЯ ДРЕВНЕГО РУСЛА АМУ-ДАРЬЯ—
изыскательская партия среди вечно кочующих песков

ЮЖНЕЕ Кушинского укрепленного пункта, врезающегося скалистым клином в Афганистан, ССР территории не имеет. Территориально Кушка принадлежит Туркменской ССР. Туркмены откликнулись на национальное размежевание Средней Азии большим трудовым подъемом. Изыскательские партии по древнему руслу Аму-Дарьи, Узбеки, начатые в 1925 г., первые отгнали мертвые пески живым человеческим горром. Там, где рыскали волки и шакалы, следы изыскателей избронили песчаные сугробы. Цель изы-

КАЮК—одна из тех посудин, в которых перебрасываются грузы по рекам Туркмении

Обилие воды—условие, т. е. вода берется изподножью, в большей своей массе оставаясь непользованной. Причина основная общего характера: низкий культурный уровень жителей, пользующихся первобытными орудиями обработки земли и полива.

Тракторы, передвижные мельницы на форполосских моторах, лишь постепенно овладевают аулом.

Чигиры, чистарные установки, подающие воду из айдаров (канав) на хлопковых плантациях, через леханские (крестьянские) мельноратные товарищества сменяются насосами, парусно-глазевые суда (каюки) на Аму-Дарье сменяют новые пароходы государственной флотилии.

Сегодняшняя техника победно проникает даже за высокие дуvalы (стены) хуторов, вызывая на улицу замкнутого хозяина, уже не боящегося позирать фото-аппарату.

Современное привлекательное солнце из вновь орошаемых земель вытягивает богатейшие урожаи хлопка, люцерны и хлебов.

СПЛЕВА ТУЗЕМНАЯ МЕЛЬНИЦА, приводимая в движение осликом

СПЛЕВА ВНИЗУ—ЧИГИРЬ—прimitивное водопадливое колесо, которое веरтится потечением и подает воду по эжекциям в поле

СПРАВА ВНИЗУ—ХУТОР ТУРКМЕНА, племя Эрсари.

РАЗ В ДЕСЯТЬ ЛЕТ...

Л. ИЕРИХОНОВ, снимки «WIDE WORLD PHOTO»

ботители - англичане еще пытаются использовать религию в качестве пожарной кинки для тушения «революционных страсти». Но попытки спасти мусульман с остальным населением Индии не смогут надолго задержать революционного процесса. Религия не всесильна в области порабощения трудящихся. Столкнувшись с непреклонными фактами классового угнетения, трудащейся постепенно переносит свою критику на религию, если она стоит ему поперец дороги.

В очерке Л. Иерихонова только мимоходом упомянута королевская деревня деревни, в которой живет одна из систем обмирщения богомольца, которая с трогательным интересом приступается служителями всех религий. Богомолья, вроде Джинапурского, имеют значение для жрецов не только как средство дать выход «скорби народной». Это, кроме того, замечательный аппарат для накопления богатств, перекачиваемых из тесной мешны верующих в просторные казно-храмницу жрецов.

Живописная картина празднества является жуткой картины самобоязни индий, голодных и угнетаемых верующих, не доросших еще до осознания своих классовых интересов.

Есть еще одно обстоятельство, благодаря которому празднество в Джинапуреносит такой всемирный характер. В условиях беспросветного национального гнета туземцы в религии видят как бы единственный пристанище для своих национальных чувств. Все осталось поправляется пятачком, это должно обнимать нас. Религия превосходно служит национальной цели: буря энтузиазма, но очень быстро меняет окраску с водородом новых хозяев. Не заром мусульманская церковь в Индии так успешно выполняет роль агентуры англичан, хотя это и идет вразрез с национальными интересами индусов-мусульман.

ПАТАНСКАЯ ЖЕНЩИНА из числа паломников, одетая в свой национальный костюм

О Т. РЕДАКЦИИ

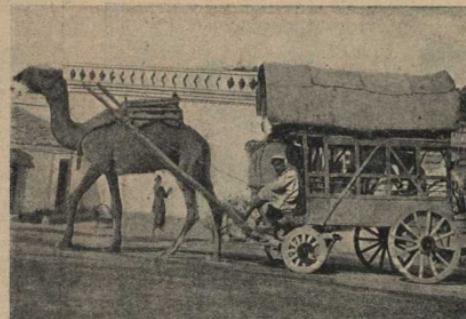
ПОМЕЩЕННЫЙ ниже очерк Л. Иерихонова дает красочную картину религиозного празднества на Востоке. Известно, что религия, являясь средством закрепощения трудящихся масс, в моменты их наибольшего угнетения выступает, как утешение, как отложение от земли и земных. Религиозный сплеск, на роду синимумом в прямом смысле этого слова, народу с войной и веяниями народами, призван одурманивать сознание угнетаемых, призрачным спасением отвлекать их от счастья действительного, достигаемого упорной борьбой с угнетателями. Описываемое Л. Иерихоновым празднество особенно отчетливо показывает, как стремятся религиозные организации быть внешне привлекательными. Об это внешней привлекательности заботятся не только индусские жрецы. Более призыванные, прилагаемые священники, патери и т. д. забоятся о духовных концертах, о вышних облечениях и т. п., либо иной форме. В Америке, например, для воинственного подавления трудящихся богослужения проводятся по радио. В газетах Индии опубликовано сообщение, что даже футбол хотят некоторые предприниматели попытаться в религиозном целям. В нашей борьбе за новый быт нам также приходится столкнуться с притягательной силой лишившей стороны церковных обрядов. Только противопоставляя им новые, советские «образья», вернее, насыщая красочностью празднование свадьбы, рождения и т. д., во многих случаях удастся оттащить уже не вेю и х от формального участия в церковщине.

Но религиозное утешение не может возместить этого бесконечного угнетения, которое в условиях капитализма и в колониальных странах выпадает на долю трудящихся. Индия оказывается в ряду других стран, охваченных обострительным движением. Правящие классы и пора-

очерк Л. Иерихонова открывает нам заголовок всей жизни Востока. Редакция предлагает в будущем поместить ряд очерков говорящих о быте и борьбе трудящихся Востока и более полно характеризующих роль религии на Востоке.

ДЖИННАПУР на северной границе Индии с Тибетом—небольшой и типичной тибетской деревушки с неправильными, старыми и широкими пряммыми, как стрела, новыми улицами, с лоджами, с дивными душитыми садами. Село за городом, лежащем в плодородной возвышенной местности, на водоразделе Ганг и Да-муны во все стороны тянутся плантации индийской корицы. В северной окрестности рисуют и каменные сооружения, блескающими солнцем горными глазами Гималайский хребет. Вот знаменитые Эллорские сфинксы, это фантастический подземный город с его вычурными сурганами характером, высеченный каким-то самодуром радиж из цельного базальта. А кругом грандиозные памятники некогда свободной Индии.

Но сегодня Джинапур, необыкновенно, оустлив, полон движения. Сегодня Джинапур— отправной пункт собирающихся здесь паломников всех каст, отправляющихся в горы недоступные чужеземцам, седые от никотина и тающих в снегу, крики храма Алло. Сегодня паломники, путь которых прерван, связь с европеизированным Джинапуром и городами туда же знают, что такое английский стакан марки и тюфяки. Уходят на богослужение, совершающие раз за десять лет, в глубину Кумы-Лук.

ПОВОЗКА С ЖЕНЩИНАМИ по пути к храму

ТОЛПЫ ПАЛОМНИКОВ на одной из базарных улиц Джинапура перед отправлением

Самая главная часть богослужения—народное празднество, гулянье, соревнование, имеющее подлинный национальный характер.

Стройные саксы, одетые в легкие туники, как молодые бантики, в зеленые шкуры, узко-лапые парчи, в ярких панцирях и низеньких шапочках, загорелые мальчики в цветных избраннических блокнатах, старые и молодые наездники, укутанные в шелковисто-темные чадры, наложки баги на горбатых зебрах и одногорных верблюдах, впряженных в двухколесные арбы, и даже раджи со всеми своим гаремом, с шатом присущим на лодочных морицинских сложных с маленьенным гойдо (вождем слона), с же-леным кроком в руках важно восседающей на голове слона.

Медленным потоком движется вниз по действительно-красивому лесу под таинственный шум деревьев эта фантастическая процесия. Стройные, изящные пальмы, раскинувшиеся вспышки деревьев, гибкий бамбук, вспахавшие влагу паноротики и цветы. Высокие розы, белые, розовые, изумрудные, блестящие, ослепляющие ярким светом склонились с озаряющим сладким звуком спеловидами и жасмином. При каждом шаге они спутывали ноги и были паломниками по лицу и рукам. Красильные попугаи и мрачные пестрые дятлы, колибри и маленькие рисовые птички сквозь щебетание и пение заполнили весь лес. Хрустит сухая ветка под ногами и пение превращается в сплошной беспорядочный крик, сменяясь с окриками погонщиков, раком арийского говора и пением «раманы» (сказаний о подвигах Вишну, воплощенного в царевиче Рамме) на наречии маратха.

Путь становится труднее. Хорошее прохождение на подъеме переходит в пыльную тропу, пробитую арбами местных поселен среди громадных скал и холмов.

Начиная сутки с паломниками, передоходящими в межхолмье одескды в диких бархатистых, покровщенных горами, присоединяясь к постепенному житейскому вершине на своих горячих избах. Запах мускуса сливался с холодными смешанными ветвями. Зелени почти не было. Суточный снег слепил глаза. Наконец-то, вехами на обширное плато, окруженному отвесными склонами с едва заметными трещинами глубокими ущелиями. Западная половина засажена мансиком. Из бледной зелени выступают десятки два маленьких жалюзи хижин. Восточная часть затроможенного колоссальным храмом из нескользких зданий, соединенных толстой, гранитной стеной. Построены строго приуличной архитектуры. В глазах было изображение башенок, дымообразных куполов, приспособленные толстые стены, сплошь увенчанные барельефами, изображающими галлерей, портики, разные двери и выступы. Сверкало змалье, золотой, благоухало сандаловым маслом, дерево и белело слоновой костью...

Цветные хороводы расположились паломники вдоль храма. Скоро сумерки пронзили первыми зажженными kostров. Ночью—отдых. Утром—торжественное богослужение с народным праздником.

ЛАГЕРЬ ПАЛОМНИКОВ в окрестностях храма

ИНДИЙСКИЙ КНЯЗЕК в сопровождении личной свиты отправляется на боевомоле

С зарей паломники под предводительством сунодди (отшельник, первый чин брахманской касты), ванапратши (второй чин—пустынник) и герро-машари (третий чин—богомил, монах) облакенные в желтые хитоны, затканные сребром и золотом, вшли в храм Аллада. Стены из светло-серого полированного гранита были покрыты изображениями черного мрамора на темы различных мифов о Вишну (боге—хранителе бытия) и о супруге его Лакшми (богине любви, красоты, счастья плодородия).

Пол мозаичный. На красном камне сверкали золотые круги с лучами, представлявшими солнечный диск. В глубине на кубообразных постаментах из зеленого мрамора громадные статуи божественных супругов Вишну и Лакшми. Идолы металлические, сплошь покрытые, замечательной работой. Особенно ярко, невероятно спокойствием их лица. Вишну изображен верхом на изящной солнечной птице Гаруду, с четырьмя руками, две из них лежат на коленях, две другие возводят к небу. В левой руке он держит солнечный диск из рубинов, окруженных бриллиантами-лучами; в правой—палцу из сплошной кости. На голове корона с громадным бриллиантом. Прекрасная Лакшми в традиционной позе индусских божеств въедает рядом с Вишну, опираясь на спиральную подиум надея бутафорской коробкой, а в правой держит цветок лотоса. Головная повязка украшена золотыми бриллиантами. Волосы в виде волнистых кудрей. Стояла каждого божества стояла жертвенник с серебряной кандильницей и курящимися благовониями в виде стволов, синескими цветами лотоса и мансовыми колосьями.

Было очень торжественно и тихо.

Богослужение длилось недолго. Скоро вся масса паломников вспыхнула вспышками пламени и началось народное празднество и гулянье. Для начала вышли д'вух самцов горных баранов с ветвистыми тонкими рожами, раздраженных молоденцами сакмами и поставили их друг против друга. Под громкий треск барабанов и чащающие звуки турви (флейты) они вначале вспесившимися склонялись друг от друга отгремевшими звяжками. Потом с остервенением налетели, стукнувшись лбами, разошлись, снова смеясь.

лиссы ветвистыми рожами с безумной злобой в мертвый скатке.

Паломники, настроенные до этого столь торжественно, теперь с разогревшимися страстью глазами, наблюдавши барабанный бой. Даже почувствовавшие сунодди и ванапратши с ключковатыми седыми бородами, с живым интересом следили за страшной скваткой. Под громкие споры, пари и всеобщее возбуждение оба барана свалились замертво. Потом на снежное плато вывели двух бородатых с черной свалявшейся шерстью якоря (тибетский бык). Нащетили полосу. Поставили якоря по обе стороны, перевесили рабочий сырьем ремень и под всеобщее бодрое пение, под удары кнута якоря начали сдвигаться, перетягивать друг друга через полосу. Долго, но интересно.

Состязания юношеских кончилось, и вся масса двинулась к природным ледянym горам. Теперь покажут себя люди. Надутые воздухом пузыри из кожек якоря в форме кренделя с палкой в центре заменили наши салазки.

Смешно было видеть почтенных старцев, на руках с молодыми упрямтыми саксами, летающими по снежной горе.

Эти соревнования в ловкости подчас кончались печально для участников, но желание быть любимцем Лакшми в это празднество, как победителей, возбуждало многих на рискование.

Борьба, охота на антилоп, дигитогита в равнинах, лесопленка, хороводы, танцы, заклинатели змей, чудеса факиров,—все давало богатую пищу для впечатлительных фанатиков, затративших столько труда на долгий переход и еда на хаконивших мугор и руний (один мугор равен 15 рупиям, руний—одному рублю) на оплату жередов и жертвоприношения богам. Все же весь лагерь паломников находился доволен и шумен все дни пребывания, остро переключаясь эти зрелища, испускаемые в центральных городах под зорким глазом английского полисмена или продажного сипана. Десять лет трудится, досягая этого праздника, и теперь глубоко насыщаются им на десять новых тяжелых лет.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ №

“СМЕНЫ”

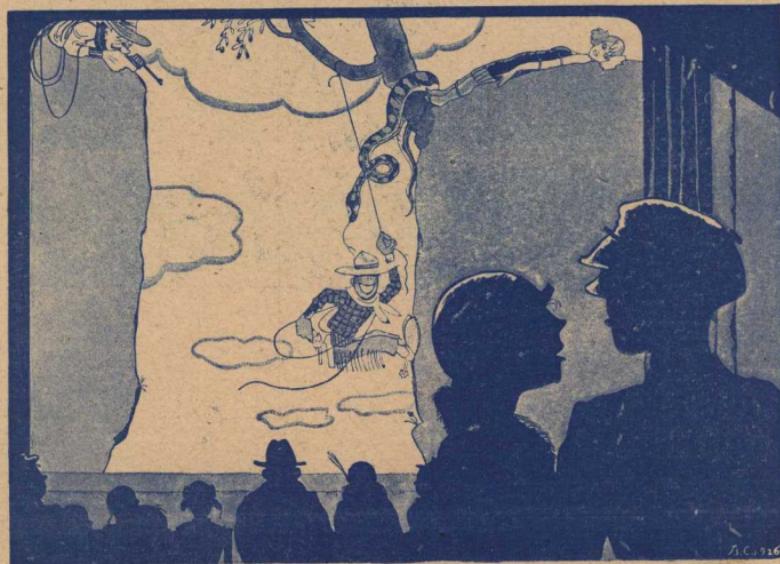
БУДЕТ ПОСВЯЩЕН

ГОДОВЩИНЕ
КОМСОМОЛА

ДВОЙНАЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ

М. КАМЧАДАЛ, рис. В. СУТЕЕВА

подЗатыльник

Б кино Семен пригнулся плотную к машинистке Кате Лебединцевой...

ЕДИНСТВЕННЫМ парнем, который как-то странно повис в воздухе, оказался Сеня Шишкин. Остальные ребята пристроились по цехам и—хороши ли, худо ли—работали и специализировались кто на чем. А Сеня как-то не удалось пристроиться. В силу своего «воздушного» положения Шишкин сделалась чем-то, проще замыкни и исполнить самые разнообразные обязанности: то агентом на грузовике, то отправителем на станции, а то и на кондитерскую, то в отпуск ревизором, а то и кое-что слал Сеня куда-нибудь регистратора на отпуск, а Сеняка за табельщика сидит. И Сеняка не жаловали: ему нравилась эта беззаботная прелестность и в душе он считал себя «мастером на все руки». Тем не менее, больше всего Шишкин любил работу в канцелярии: тихо, чисто, светло, барышни порхают, по телефону можно к ком парой слов перекинуться, а кроме всего, можно блеснуть своим исключительно-красивым, по мнению Сеняки, почерком.

В ЯЧЕЙКЕ вплоть до вопросу о Сене Шишкине больше поднимали плечами:

— Трепещется, парнишка! — говорил секретарь. — Ни богу свечка, ни гору кочегара, так что-то: чего хочешь, того просишь. Не дело это!

Куда же его сунуть?

— Я так полагаю, — сказал секретарь, — что надо Сеняку прикрепить к бухгалтерии. Думаю, что это со всех сторон хорошо будет: покером у него прличный, обстановка канцелярская ему, видать, по душе, а бухгалтерия—специальность хорошая!

Вылезали Шишкины в ячейку.

— Вы же, конечно, не знали, — сказал секретарь. — Мы бы тебе твою тёщу дали!

— Это какое понимать? — спросил Семен.

— А вот так: думали мы тут о твоем положении и решили, что хватит с тебя лырики затыкать. Надо тебе к чему-либо прочно прислачиваться. Хочешь бухгалтерскую специальность изучить?

— Что ж, почему не хотеть?

— Ну, вот. Прикрепим мы тебя к Павлу Поликарповичу и сделайся спешом.

ПАВЕЛ Поликарпович Синистуров был, собственно, даже не бухгалтер, а, так сказать, поэт от бухгалтерии. Дебет и кредит так беспорядочно завоевывали сердце Синистурова, что вся жизнь представлялась ему, как разговор «реконструктора лицевого

Когда к Синистурову привели Шишкина, бухгалтер чрезвычайно обрадовалась возможности приобщить еще одного человека к великим тайнам своих филиппин и с места в кабинете стал посыпывать Сенена:

— Видите ли, какая весть, тов. Шишкин! бухгалтерия—штука! К ней надо подходить серьезно и осторожно. Начнем мы с вами с машинисткой, а потом, когда вы окончательно забьетесь в нее, будем заниматься влюбой. Всю потом скромненько на вид цифра, стоящая в том или другом месте! Если о человеке можно сказать, что он его красит место, а наоборот, то о цифре нужно заметить, что от того, написана ли она на правой или на левой стороне, меняется весь ее смысл, вся ее сущность и роль в бюджете...

Семен ничего не понял, подумал про себя: «Бухгалтерия, тов. Шишкин штука токкая»

— Совершенно верно!

КОНЦУ месяца отношение Шишкина к Синистурову испортилось вдребезги. Все шло хорошо, пока главбух давал Семену переписывать набело разные ведомости, выписки и ба-

лансы. Сеня тогда шелся своим занятиями, делал неусыпные росчерки и, вообще, превзошел себя прекрасно. Но когда Павел Поликарпович дал своему ученику «разнести матерью», Семен сидел, пытаясь, путал беззадачей дебет с кредитом и брезжал, как старорежимный подчиненный.

— Чорт, что знает, что за ереси! Почему это не право, а это налево? Где тут смысл?

— Семен Иванович говорит, бухгалтер, — Поймите же, годубы, что это—двойная итальянская бухгалтерия!

— Видать, что итальянская! — ухмыльнулся Синистуров. — Бухгалтерию эту изобрели итальянские монахи еще в средние века.

— Тем хуже! — сказала Сеня. — Поповская баба и фашистская вдовушка! И соглашательская: из-на двой стороны! И на них и в ваших. Не признаю!

МОЛНИЯ

глазу и острый носы коричневые губы дополняли юношеский костюм Семена Шишкина и подчеркивали общую его элегантность.

Когда картина обернулась в зрительном зале кинематографа наступила «версель и падоль» абсолютная тьма, Сеня, придвинувшись вплотную к машинистке, Кате Лебединцевой, сказал:

— А я, знаете, ухожу с завода. Надеюсь это до полусмерти. Подумайте, человек же сегодня—завтра уходит в мир иной! Я должен подчиниться законам беспартийной! Обидно, виноват! Ведь я, как только перейду в партию, могу каждый день следиться председателем правления какого-нибудь треста, могу стать директором этого же нашего завода, и тогда этот бухгалтер запрыгает передо мной на задних лапах, так с какой стати, скажут на милость, я виноват? Я сплю, употребляю в маскин только, как бы побочнее открыть нашего братца—партийки вскысили действами, кредитами, меморандумами и прочей мелкобуржуазной трухой! Ни в жисти Синистурову никакого партитного достоинства! Перед беспартийным? В грязь лицом? — разрывалась Сеняка. Буду я—тад!

— Скажите, Сеня, а то, что беспартийная, вам не смешно? — кокетливо спросила Катя и шаловливо погладила плецом.

— Ну, что вы! — нараспашку протянул Сеня для одобрения прижал к себе машинистку к плечо. — Хорошенькая барышница партийность обязательна! Даже лучше, если беспартийная! А то жениться на партийке, так по случаю этого бы будешь раз в неделю одевать и встремляться с женой только на собраниях. В зале зажглось электричество.